

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Максим Горюнов

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ,
А ОНО ВЗЯЛО
И ПОЛУЧИЛОСЬ

Максим Горюнов

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ,
А ОНО ВЗЯЛО
И ПОЛУЧИЛОСЬ

Рига

2026

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Благодарности.....	14
Глава первая. Другое римское величие	15
Глава вторая. А была ли революция?	26
Глава третья. Все могло пойти не так	37
Глава четвертая. Соединенные Штаты как дистиллят Соединенного Королевства	49
Глава пятая. Фронтир как место рождения: pro et contra	59
Глава шестая. Когда б вы знали, из какого сора растут цветы политических компетенций	70
Глава седьмая. Воображаемые голландские корни американского успеха	81
Глава восьмая. Конституция как продолжение парка и парк как продолжение конституции	92
Глава девятая. Гении, которые, судя по всему, так и не поверили в свою гениальность	103

Предисловие

Рецензии ироничного Максима Горюнова на книги американских историков знакомят читателя с широкой полемикой о том, как американцам удалось создать работающую демократическую республику. Разумеется, эта тема далеко не исчерпана, и эту серию рецензий можно было бы продолжить, но данную книгу я уже готов рекомендовать студентам-историкам, изучающим Американскую революцию и становление американского государства. Это отличное введение в историографию, которое не только показывает широту подходов к проблеме, но и побуждает читателя сделать следующий шаг и обратиться к этим книгам самостоятельно.

Книга рецензий Горюнова — важный пример того, чего по-прежнему не хватает российской гуманитарной науке: внимания к тому, что делают другие. Ведущие американские исторические журналы более чем наполовину состоят из рецензий: историки читают друг друга и рассказывают коллегам из непересекающихся областей, что нового можно почерпнуть из десятков монографий, выходящих каждый месяц. В России же рецензия — дело непростое, она может испортить отношения, а может быть воспринята как дружеская реклама¹.

Наконец, книга рецензий Горюнова — это книга исторического оптимизма. Ее чтение напоминает: не стоит ждать ни идеальных людей, ни идеальных обстоятельств, Россия вовсе не обречена на авторитаризм. Американские колонисты, освободившись от тирании, создавали для своего государства

¹ Созданный более десяти лет назад журнал «Историческая экспертиза» самоотверженно борется с этими стереотипами, но дело идет медленно, к тому же журнал был вынужден релоцироваться за границу.

правила, которые должны были не допустить ее возвращения. И они справились. Гражданам России после освобождения от тирании стоит сосредоточиться на решении именно этого вопроса. Почему бы и нам не справиться?

Рецепты, как этого добиться, в книге тоже есть: разводить сады, любить Голландию, воспитывать детей в духе римских доблестей и осваивать бесконечный лес, на краю которого мы все живем. Или не ориентироваться на прежний опыт, а изобретать собственные средства, не упуская из виду главную задачу.

*Иван Курилла,
доктор исторических наук, профессор*

Введение

Мне уже довольно давно хотелось узнать как можно больше о том, как британские колонии стали Соединенными Штатами Америки. В 2018 году я оказался в Сент-Луисе на семинаре о федерализме, организованном Библиотекой Конгресса США. Тогда я был настроен крайне пессимистично: я считал, что демократия — это аномалия, на смену которой рано или поздно обязательно приходит деспотия. Мое мнение было следствием моего жизненного опыта, имевшегося на тот момент. В России демократия (вроде бы) появилась, (вроде бы) была, а потом испарилась. Я своими глазами видел, как она исчезает. И раз это произошло в России, значит, то же самое произойдет и в Штатах, полагал я. Может быть, не в этом десятилетии. Может быть, не в этом столетии. Но произойдет в любом случае.

На семинаре я поделился своими пессимистическими прогнозами с лекторами, но, к моему удивлению, им мои выводы показались по меньшей мере странными. С их точки зрения, логичнее было бы ожидать падения деспотии в России и повторного витка демократии. Логика была простой: деспотия — это дорого, больно и унизительно, а демократия — это регулярная смена лидеров и прозрачные государственные сервисы. Для человека в ясном уме выбор очевиден.

Особенно мне запомнился последний лектор — насколько я помню, он преподавал политическую философию в каком-то из ближайших университетов. На мой вопрос: «Когда же в Штатах падет демократия?» — он ответил: «Скорее всего, никогда». — «Почему?» — «Потому что у тех, кто конструировал Штаты, была одна цель: больше никаких деспотов».

По его мнению, опыт отцов-основателей во многом перекликается с опытом людей, выросших в постсоветском пространстве. Они хорошо понимали, какой ущерб гражданам способна нанести безответственная власть. Работая над текстом конституции, они стремились выстроить систему защиты — для себя и для будущих поколений — от сценариев, которые так часто описаны в том числе на страницах российских учебников истории. И тот факт, что Соединенные Штаты уже почти два с половиной века обходятся без деспотии, говорит о том, что эта защита оказалась действенной. После такого богатого во всех смыслах объяснения мне захотелось погрузиться в тему настолько глубоко, насколько у меня хватит дыхания.

В 2023 году мой замысел написать серию больших рецензий на американские книги об Американской революции был встречен с мягким недоумением. Моим знакомым книга об успешном транзите власти в США представлялась либо чрезмерно академичной, либо слишком эксцентричной, а сама тема Американской революции казалась бесконечно далекой от того, что, по их ощущению, требовалось «здесь и сейчас».

Многие считали, что в связи с нынешней ситуацией в РФ рецензии на книги о быте Ирана или Туркменистана были бы более полезны. А книги об истории государственных переворотов в Латинской Америке и Африке могли бы дать куда более наглядное представление о том, чего стоит ожидать в ближайшие десятилетия.

Спустя некоторое время я обсудил свой замысел с замечательной Инной Березкиной из Школы гражданского просвещения, и он ей понравился. Затем его одобрили Юрий Сенокосов и Лена Немировская — создатели Школы. Я написал для них первый текст, потом второй, потом третий. Теперь текстов уже так много, что их хватит на сборник среднего объема.

Как выбирались книги для рецензий? Если бы я решил заняться темой отцов-основателей США еще в 2010 году, я

столкнулся бы с очевидной проблемой: как раздобыть достаточное количество книг, изданных главным образом в самих Соединенных Штатах? И что не менее важно, с кем советоваться, какие из них действительно стоят внимания, а какие — нет? За книгами и за знанием о книгах пришлось бы ехать в англоязычную страну, поступать на профильный факультет, искать стипендию и так далее.

К счастью, мы живем во времена беспрецедентного доступа к знаниям. В 2023 году у любого рядового мыслителя, лежащего на диване, под рукой имеются миллионы книг и тысячи руководств к ним — и от лучших специалистов этой планеты, и от искусственного интеллекта, который с каждым днем становится все совершеннее. Пара кликов вместо громоздких бюрократических процедур — что может быть удобнее?

Книг об Американской революции оказалось так много, что важнее было научиться их игнорировать, а не находить новые. Моим первым шагом при погружении в тему стал курс лекций об истории Соединенных Штатов накануне революции из открытого архива Стэнфордского университета. Он длился двадцать пять часов и сопровождался рекомендациями, на чьи работы стоит обратить особое внимание. Я прослушал курс несколько раз — это еще одна роскошь XXI века: любую лекцию можно слушать бесконечно, а при желании — еще и читать автоматические стенограммы к ней. Затем я подписался на рассылки обществ, занимающихся исследованием американской истории. И уже через пару месяцев в моей почте каждую неделю оказывалось по несколько приглашений на презентации и обсуждения очередных многостраничных томов по нужной теме. Отдельно стоит отметить, насколько легко и приятно работать с архивами и библиотеками американской академической среды.

Мой предыдущий проект был связан с Беларусью: я был соведущим программы о белорусской национальной идее. В

студию — сначала в Минске, потом в Варшаве — приходили белорусские писатели, философы, диссиденты, поэты, музыканты, которые делились своими размышлениями на тему «Что такое Беларусь и какой она должна быть завтра?». Мои знания о Беларуси были самыми базовыми, и, чтобы не задавать гостям неуместных вопросов, я отправился в книжные магазины. Очень скоро выяснилось, что найти в Минске содержательную книгу о том, что такое Беларусь, — задача, сопоставимая по сложности с поиском пресной воды в пустыне Гоби. Академия наук республики, судя по всему, так и не вышла из состава СССР. Подвиг партизан и братский союз с Москвой оставались главными темами публикаций.

Самую точную визуализацию того, с чем я столкнулся в Минске, я обнаружил в одном из краеведческих музеев неподалеку от польской границы. Музей был устроен следующим образом: после зала с зубом мамонта следовал зал с прялками и глиняными горшками. За ним располагался просторный зал, посвященный партизанам. Затем шла череда залов об успехах советской власти. Последним был зал, рассказывавший о впечатляющих достижениях нынешней администрации страны — в экономике, культуре и даже космосе. За редкими исключениями, именно такая рамка была характерна для академических изданий в Минске.

У независимых белорусских книготорговцев биографии порой оказывались не менее яркими и увлекательными, чем у глав мексиканских наркокартелей: аресты тиражей, слежка, блокировка счетов, нелегальный переход границы, суды. Не менее насыщенными приключениями были преисполнены и судьбы белорусских академиков. Многие историки рассказывали, как им удавалось добираться до особенно пыльных архивов, и эти истории порой напоминали сюжеты самых закрученных детективов.

На этом фоне библиотеки американской академической среды — это, мягко говоря, совсем другой жанр. И авторы, и издатели живут почти как в раю по сравнению с белорусскими коллегами, а потому у тебя под рукой имеется избыток хороших и очень хороших книг практически на любую тему. Главной пользой от знакомства с американскими книгами об Американской революции я бы назвал «декатастрофизацию перемен».

Термин «декатастрофизация» я позаимствовал из когнитивной терапии. Он означает, что люди с болезненно высоким уровнем тревожности нередко — а иногда и постоянно — переоценивают вероятность неблагоприятных сценариев будущего. Установка вроде «завтра будет хуже, чем вчера» — это уже тревожность, с которой можно и нужно работать со специалистом.

Чтение книг об Американской революции оказалось очень похоже на упражнение по снижению тревожности. Терапевтический эффект связан, во-первых, с тем, что у американцев все получилось. Ни первый президент, ни второй, ни кто-либо из последующих не задерживались у власти дольше срока — таких правил не было. Вашингтона уговаривали остаться после второго срока, но он ушел и заложил не правило, но традицию. Эту традицию нарушил Франклин Д. Рузвельт, избравшийся четыре раза вместо двух, после чего была принята поправка к конституции, запрещающая третий срок. Но это произошло только в середине XX века. По постсоветским меркам это невероятный успех, почти такого же масштаба, как полет Гагарина. Терапевты, работающие с пациентами из страны «победившей духовности», вполне могли бы рекомендовать своим клиентам курсы по ранней истории США. Наряду с дыхательными упражнениями и сеансами глубокой осознанности (что бы это ни значило), хроники деяний отцов-основателей способны помочь справиться с хроническим ожиданием худшего.

Тот факт, что двести пятьдесят лет назад жители нескольких британских колоний решили изменить свою жизнь и добились своего, может стать отличным контраргументом против непрерывной паники так называемой русской жизни. Знакомство с американским опытом позволяет поверить, что не у всех и не всегда перемены оборачиваются катастрофой. Иногда, если начать двигаться в сторону улучшений, перемены действительно происходят — и именно к лучшему, а не как обычно. И не на пару лет, а на два с половиной столетия. После чтения российского учебника истории, особенно по XX веку, такие рассуждения представляются наиболее полезными.

Терапевтический эффект связан и с тем, что отцы-основатели США в американских книгах выглядят очень приземленными. Если выбирать книги, написанные взрослыми для взрослых, то основатели в них показаны довольно реалистично — это люди такие же, как и мы. Они знали, что такое страх, совершали ошибки, принимали сомнительные с моральной точки зрения решения и далеко не всегда были последовательны.

Один из самых ярких примеров — их длинные письма с рассуждениями о свободе, которые нередко доставляли рабы. В этих письмах почти ничего не говорилось — или не говорилось вовсе — о политических правах женщин, в окружении которых они жили. А дома, в которых были написаны эти письма, стояли на землях, недавно отнятых у коренных народов, — отцы-основатели в своих размышлениях почти полностью игнорировали и этот факт.

Иными словами, их путь к миру, свободному от деспотов, был не таким прямым и безоблачным, как может показаться на первый взгляд. Отцы-основатели были на удивление осторожны: их терпимость к несовершенствам мира сего была заметно выше, чем обычно у революционеров. Обнаружив зло, они не спешили немедленно с ним разобраться. Нередко они предпочитали переложить решение проблемы на будущие поколения.

Молодых американцев такая терпимость ко злу скорее разочаровывает: им хотелось бы, чтобы отцы-основатели были смелее и решительнее. А вот для подданных — бывших и нынешних — постсоветских деспотов налет моральной неоднозначности на деяниях отцов, напротив, скорее успокаивает, чем отталкивает. Если бы Вашингтон, Франклин, Джон Джей и другие в самом деле были святыми гениями, это был бы еще один гвоздь в крышку гроба коллективных мечтаний о «прекрасном будущем».

Никто не станет спорить с тем, что у святых гениев может получиться что угодно, включая Царствие Божие на земле: они ведь святые гении. На мой взгляд, привлекательность успеха Американской революции как раз в том, что добиться перемен получилось у не самых умных, не самых нравственных и не самых выдержанных людей. Такая история может вселить надежду в миллионы и миллионы постсоветских людей, униженных и оскорбленных.

В свете американских сюжетов российское вчера, сегодня и завтра воспринимается значительно легче. Прежде всего исчезает ощущение проклятия, когда каждые два-три поколения приходится решать гамлетовский вопрос: бежать или не бежать?

Благодарности

Хочу выразить признательность Школе гражданского просвещения за возможность придумать, написать и издать этот сборник. Учитывая время, когда были созданы эти тексты, и состояние общественной дискуссии в российском обществе, Школа была и остается интеллектуальным убежищем — местом, где самые сложные вопросы обсуждаются в атмосфере взаимного доверия и поддержки. Какими бы ни были новости и каким бы серым ни казалось завтра, в Школе всегда найдется рассудительный собеседник, с которым можно поговорить на самые сложные темы и вынести из этого общения новые идеи. Трудно переоценить значение такой возможности.

В обсуждении текстов приняло участие так много людей, что ими можно было бы заселить небольшой остров. Помимо уже упомянутых Инны, Юры и Лены, я хочу поблагодарить Михаила Минакова, Василия Жаркова, Светлану и Александра Шмелевых, Марину Скорикову, Анастасию Гонтареву, Тома Роденбау, Расса Синьорино, Стива Комана, Светлану, Евгения и Богдана Яременко. По ту сторону новой берлинской стены остались люди, чьи наблюдения и рассуждения тоже были очень важны; благодарности им будут переданы после того, как стена падет.

Отдельное спасибо замечательной Ольге Голубко, которая приложила немало усилий, чтобы идеи, изложенные автором на бумаге, радовали не только самого автора, но и будущих читателей.

Глава первая

Другое римское величие

Интуиция подсказывает, что в 2025 году в русскоязычных социальных сетях не стоит углубляться в сюжет об уважительном отношении первых президентов США к величию Рима. В лучшем случае потом придется долго уточнять, что именно ты имел в виду. В худшем — нужно будет искать новых собеседников.

Причина, как нетрудно догадаться, в пропаганде. Ее нынешняя версия существует уже почти сто лет — с победы марксистов-ленинцев в Гражданской войне в России. До них были Романовы, и в толстых книгах пишут, что их агитация была не менее эзотерической. В результате многолетних усилий агитпропа русскоязычное пространство кишит его продуктами, как гоголевский постоялый двор блохами. Трудно, а порой и невозможно найти тему без следов пропаганды. Например, представление о величии «русского Рима» прочно связано с фантазиями первых московских националистов XVI века о Третьем Риме — и это тоже результат пропаганды. В социальных же сетях, которые за демократию, уже сам намек на положительное отношение к Риму нередко вызывает подозрение. И это тоже про пропаганду, точнее, про эмоциональную реакцию на нее.

Между тем, как пишут специалисты по ранней истории США, для первых американских президентов мечты о римском величии действительно были важны. Возможно, даже важнее, чем для сторонников российского великодержавия. Письма отцов-основателей Соединенных Штатов друг другу, их дневники, книжные полки в их личных библиотеках подтверждают то, что Рим и его величие были одним из главных источников

их вдохновения. В глазах отцов-основателей сам проект создания нового государства являлся долгожданным возвращением в тот самый Рим, о котором они так долго мечтали.

Отличие от российского контекста, однако, в том, что американцев не интересовало величие императорского Рима. Их привлекал Рим республиканский — Рим без императоров. Придумывая себе страну, они ни в коем случае не хотели оказаться в ситуации, где глава государства может безнаказанно объявить своего коня сенатором, как сделал, по легенде, Калигула. Или может поджечь столицу ради создания подходящего фона для чтения поэм собственного сочинения, как Нерон. Или может считаться земным божеством, чтобы в его честь строили храмы, как при Августе. Среди первых американцев политических сумасшедших было не так много. По крайней мере, заметно меньше, чем в российских медиа накануне «возвращения в родную гавань».

В истории Рима американцам были интересны те четыре с половиной столетия, когда Рим был республикой и управлялся коллективно. С точки зрения отцов-основателей, в этот период Рим был воплощением разумности и эффективности. Поэтому в знаменитой сцене убийства Юлия Цезаря американцы были на стороне Брута. Для них злодеем был именно Цезарь, потому что он разрушил республику: для умов, выросших в окружении картин абсолютистской, тоталитарной и авторитарной пропаганды, это буквально перевернутый мир.

Историк Эран Шалев в книге «Рим, возрождающийся на западных берегах: историческое воображение и создание Американской республики»¹ с заметным увлечением рассказывает о том, что отцы-основатели США не просто хорошо знали римскую историю, но в прямом смысле жили в Риме.

¹ *Shalev E. Rome Reborn on Western Shores: Historical Imagination and the Creation of the American Republic. (Jeffersonian America.) Charlottesville: University of Virginia Press, 2009.*

Римский опыт был для них сугубо прикладным. О том, к чему следует стремиться и чего следует опасаться, они узнавали из римской истории. Так, когда британская администрация уже отплыла в Лондон, а республика только набирала силу, опасений по поводу появления американского Цезаря было немало. Республика казалась слишком уязвимой, слишком хрупкой и временами почти эфемерной. Общим было ощущение, что кто-нибудь умелый и аморальный легко может воспользоваться ее слабостью и присвоить власть себе, как это сделал Юлий Цезарь.

Как было известно жителям Бостона и Чарльстона, Цезарь был талантливым государственным деятелем, удачливым полководцем и обаятельным лидером. При этом в период его правления Римская республика была коррумпированной, истеричной и часто беззащитной перед соперниками. Когда Рим отказал Цезарю в продлении полномочий, он взял город силой и нанес республике первый удар. У этого действия в Риме были сторонники, и их аргументы были пусть и не глубокими, зато вполне очевидными. Если перед вами выбор между талантливым Цезарем, у которого что ни день, то победа, и сенатом, у которого что ни день, то коррупционный скандал, что вы выберете? Иногда принципы действительно кажутся не такими уж важными.

По ту сторону Атлантики, в столицах европейских империй, сценарий с Цезарем считался наиболее вероятным. Колониям удалось выиграть Войну за независимость, и это, безусловно, кое-что говорило об их умении решать сложные задачи. С другой стороны, история войн полна неожиданных побед. Успех американцев мог быть случайностью, результатом удачного стечения обстоятельств. Однако перезапуск общества — задача совсем другого уровня. Для многих европейцев американский эксперимент выглядел для начала как прямой путь к административному коллапсу, потом к тирании какого-нибудь

Цезаря, а дальше к неминуемому возвращению в империю. Колонии могли приносить доход, а значит, они были интересны королям. И кто сказал, что это будет опять Британская империя? Франция, Испания, Португалия, возможно, Нидерланды. Даже у шведских королей были планы на новый континент и армия для осуществления этих планов.

Понимая все риски и помня про римский опыт, американцы искали — не без параноидальности, — кто мог бы стать их Цезарем. По мнению одних, наиболее вероятным кандидатом был первый министр финансов Александр Гамильтон. Его решительность и амбициозность, его острый ум, его публичные симпатии к мощи британских министерств регулярно давали повод к таким подозрениям. Будущий третий президент Томас Джефферсон рассказывал своим сторонникам историю о том, как Гамильтон, увидев на стене в его кабинете портреты трех философов — Бэкона, Ньютона и Локка, — спросил, почему именно они. В ответ на объяснения Гамильтон уверенно заявил, что, с его точки зрения, Юлий Цезарь был самым выдающимся персонажем прошлого. Джефферсона шокировало это утверждение, которое, по его мнению, мог сделать только тот, кто не любит республику.

Будущему второму президенту Джону Адамсу, человеку менее тактичному, подобные доказательства были не нужны. Он прямо называл Гамильтона сторонником Цезаря, а когда его спрашивали, почему он в этом так уверен, Адамс отвечал, что намерения Гамильтона превратить молодую республику в тиранию очевидны. Настолько очевидны, что Штатам срочно нужен американский Брут, иначе республика обречена. Когда Гамильтон был убит на дуэли, Адамс написал, что это убийство Цезаря до того, как тот решил захватить власть.

Самое интересное, что Гамильтон, в свою очередь, с не меньшей настойчивостью обвинял оппонентов в симпатиях к Цезарю. С его точки зрения, наиболее очевидными были намерения

у Джефферсона и его помощника Аарона Бёрра. Гамильтон утверждал, что Джефферсон так много говорит и пишет о республике, чтобы скрыть свои истинные мотивы, вполне тиранические. Что касается Бёрра, то его Гамильтон называл зародышем Цезаря, мол, ему нужно время, чтобы превратиться в настоящую угрозу для прав и свобод. Как ни странно, Гамильтон был убит на дуэли именно Бёрром. Поводом для дуэли стала не римская история, а уверенность Гамильтона в том, что у Бёрра есть сексуальные отношения с собственной дочерью. Гамильтон регулярно рассказывал об этом своим знакомым, и в итоге слухи дошли до Бёрра. Уже не узнать, кто из них собирался стать американским Цезарем, но точно известно, что впоследствии Бёрр был арестован по подозрению в попытке создать свое государство на территории нынешнего Техаса.

Помимо американского Юлия Цезаря, шли поиски и американского Луция Цинцинната. Этот персонаж вряд ли широко известен российскому читателю — кажется, в школьной программе о нем ничего нет. Впрочем, российский зритель наверняка смотрел фильм Ридли Скотта «Гладиатор», главный герой которого воплощает в себе все гражданские и воинские доблести Цинцинната. Согласно канону, Цинциннат был полководцем и дважды получал от римского сената диктаторские полномочия ради спасения республики. Оба раза он ее спас: сначала — от жадных соседей, потом — от алчного узурпатора. Самое важное: он дважды досрочно уходил в отставку, когда понимал, что его миссия выполнена. В отличие от многих других (и от Цезаря, в частности), празднуя очередную победу, Цинциннат думал не о захвате власти. Для него победа означала возможность поскорее вернуться к семье, к своим полям и виноградникам.

В фильме Ридли Скотта главный герой в финале погибает. Эффектная концовка фильма затемняет мораль истории, делая ее доступной только для тех, кто уже знаком с римской

трактовкой. Доблесть Цинцинната именно в том, что он ушел на покой тогда, когда мог присвоить себе Рим. Будучи образцом гражданской добродетели, он сам, без принуждения извне, подчинил себя республиканской дисциплине. И, вернувшись домой, ни разу не пожалел о принятом решении, не искал способа отыграть назад. Погрузиться в семейные и хозяйственные заботы, сознательно упустив возможность стать царем, — для римлян поступок, вызывающий абсолютное уважение.

В первые десятилетия американской независимости этот сюжет обсуждался особенно часто. Чтобы избежать соскальзывания в тиранию, американцам нужны были те, кто, имея в своем распоряжении армию и средства, будучи победителями, зная о любви публики к себе, способен был преодолеть искушение властью. Самым очевидным претендентом на роль Цинцинната был Джордж Вашингтон. Под его началом тринадцать колоний, расположенных на краю света, смогли совершить невозможное — победить Британскую империю. Его любила армия. Его умение владеть собой помогло пережить поражения, которых было гораздо больше, чем побед. Он возглавлял парад в Нью-Йорке, из порта которого только что отчалил последний британский военный корабль.

К счастью для сторонников республики, у Вашингтона были иные предпочтения. Как только закончилась война, он без напоминаний и двусмысленных пауз ушел в отставку. Сознательно подражая римлянину, он демонстративно уехал к себе, в свою любимую глушь, последовательно повторяя известный сюжет. Нельзя сказать, что в этом добровольном уходе совсем не было наигранности. На всякий случай, чтобы избежать недопонимания со стороны публики, перед отъездом он стал президентом Общества имени Луция Цинцинната. Вступать в общество могли офицеры, участвовавшие в Войне за независимость. Вашингтон в итоге, конечно, стал президентом, но спустя долгих шесть лет. И не совсем по своей воле, а как бы в ответ на призывы республики.

После двух сроков Вашингтон снова повторил тот же сюжет, отказавшись продлевать свои полномочия. Предложения такого рода у него имелись — и не одно. Аргументы в пользу нарушения закона были весомыми. Добившись независимости, юная республика мгновенно разделилась на партии. То, как на практике выглядели их дебаты, пугало даже самых толстокожих наблюдателей. Партии вели себя, мягко говоря, невежливо. Когда страсти особенно накалялись, порядок в стране держался только на общем уважении к человеку, который добыл независимость. Именно Вашингтону раз за разом удавалось смягчать яростную взаимную неприязнь партий. Что станет с республикой, если такой человек уйдет? Опасения были настолько сильны, что появились даже идеи сделать его королем. Да, это шло вразрез с первоначальным планом, но для многих угроза войны всех против всех была слишком реальной, чтобы ее игнорировать.

И все-таки Вашингтон отказывается от всех предложений и подчиняется правилам. В обоих случаях — и после победы в войне, и после истечения президентских полномочий — он возвращается к себе домой. Каждое из этих возвращений и в печати, и в личных переписках приветствовалось как поступок, который уравнивал Вашингтона с Луцием Цинциннатом. Даже его оппоненты не решались критиковать это сравнение. Разве что Вашингтон не ходил за плугом: согласно легенде, послы из Рима застали Цинцинната в поле во время пахоты. Вашингтон же любил садоводство и огородничество. И, к слову, разбил на своей земле внушительных размеров парк с самыми живописными американскими деревьями и кустарниками. Но все-таки не пахал, и это было, пожалуй, самое большое несоответствие с образом.

Первый президент США был далеко не единственным американцем, публично подражавшим римлянину. Каждый отец-основатель, удаляясь на покой, сообщал своим близким, что

делает это с мыслью о Цинциннате. Второй президент Джон Адамс, проиграв перевыборы, написал, что не жалеет о случившемся и, следуя римскому примеру, удаляется от политики с радостью. Его соперник, Томас Джефферсон, вернувшись домой после окончания второго президентского срока, написал, что вот теперь-то он, как настоящий римлянин, никуда не уедет от своих книг и садов. Фигуры второго плана вели себя похоже. Губернатор Нью-Йорка Джон Джей, будучи назначенным сенатом на должность главного судьи, отказался от поста и уехал к себе, заслужив прозвище Цинциннат Нью-Йорка.

По мнению автора книги, это увлечение Римом имело и прозаическое объяснение. Все дело в том, как выглядело образование в XVIII веке. Первые американцы так хорошо знали историю Рима, потому что такова была цель их учителей. В наше время углубленное знакомство с латынью и греческим доступно немногим. В Москве, например, не так просто найти среду, где латынь и греческий действительно используются. Если не считать филологических факультетов и, возможно, Литературного института, латыни в Москве нет. Особенно ее нет в так называемых коридорах власти. По московским меркам собственная библиотека с текстами на латыни и греческом — это малопонятная роскошь, а сюжеты из жизни римских сенаторов и афинских философов — нечто малозначительное. Трудно сегодня представить, что в каком-нибудь крупном федеральном медиа могут регулярно появляться публикации с цитатами из выступлений Цицерона.

В XVIII веке ситуация была абсолютно иной. В учебных заведениях Лондона, Парижа и Филадельфии латынь и греческий были среди обязательных дисциплин. Во многих областях знания — если не сказать во всех — лучшие тексты были написаны на латыни и на греческом. Овладев латынью, человек получал доступ к более глубокому пониманию себя и мира. Свободное чтение римских и греческих авторов в оригинале — это

то, что отличало человека образованного от необразованного, как в наши дни отличает знание английского, а с недавних пор и китайского.

О том, насколько глубоко Рим пустил корни в бывших британских колониях, можно судить, например, по личным архивам жен отцов-основателей. Книга Кэролайн Уинтерер «Зеркало античности: американские женщины и классическая традиция, 1750–1900»² содержит много примеров того, как сюжеты из далекого римского прошлого помогали американкам искать смысл в настоящем.

В начале своего исследования Кэролайн Уинтерер оговаривается, что в целом классическое образование в то время было малодоступно для американок. Лишь некоторые протестантские церкви считали важным дать девочкам образование не хуже, чем у мальчиков. Но в основном женское образование ограничивалось чтением, письмом и счетом. Те, кому повезло родиться в состоятельной семье, могли рассчитывать на домашнее обучение и доступ к домашним библиотекам. Образование за пределами дома было вряд ли возможно. Тем не менее, по словам автора, даже такой ограниченный доступ к знаниям показал впечатляющие результаты.

Эбигейл Адамс, жена второго президента Джона Адамса, была влюблена в античность. Ее образование было полностью домашним и сильно уступало образованию мужа. Несмотря на разные стартовые условия, ее любознательность и привычка к чтению сделали ее широко эрудированным человеком. Семейная переписка Адамсов — это сотни и сотни писем. Если не считать различий в способах передачи сообщений, их отношения были очень похожи на современные. Они писали друг другу каждый день и общались на равных. С началом революции Эбигейл оказалась в сложной ситуации. Ее супруг был

² Winterer C. The Mirror of Antiquity: American Women and the Classical Tradition, 1750–1900. Ithaca: Cornell University Press, 2007.

одним из самых заметных лидеров, и она поддерживала его, но давление обстоятельств было запредельным. Конфликт с метрополией угрожал не только его жизни: в случае победы армии британского короля благополучие семьи, родственников и знакомых Адамсов могло оказаться под ударом. К тому же открытый конфликт с королем требовал немалых моральных усилий. В XVIII веке верность монарху по-прежнему оставалась важной частью воспитания, и переступить через нее было непросто.

В попытке расставить все по местам Эбигейл искала ответы в римской истории. В ее представлении Американская революция воспроизвела одну из римских гражданских войн против тиранов. В письмах мужу Эбигейл даже взяла псевдоним: она подписывала свои письма именем Порция — так звали жену Брута, одного из организаторов заговора против Цезаря с целью восстановить республику. Оглядываясь на жизнь Порции, Эбигейл искала ответы в поступках жены Брута и подражала ее удачным решениям. Джон Адамс, надо отметить, тактично избегал сравнения себя с Брутом. Известный своей избыточной полнотой и мягкотелой округлостью, он не был похож на жилистого римлянина. Адамсу были ближе античные ораторы и законодатели, люди большого ума и не совсем атлетической плоти.

Писательница Мерси Отис Уоррен (Mercy Otis Warren), близкая подруга Эбигейл, находилась в схожей ситуации. По словам биографов, она росла в семье, где разговоры о республике не прекращались. В их доме часто собирались люди, чьи взгляды на будущее политическое устройство колоний были вызывающе радикальными по меркам Лондона. Муж и отец Мерси были на стороне республиканцев: отец, будучи судьей, отказался следовать постановлениям британского парламента, а муж исполнял обязанности генерального казначея Континентальной армии штатов.

Как и Эбигейл, Мерси активно использовала в переписке псевдоним. Если Эбигейл выбрала имя жены Брута, то Мерси — имя жены Катона Младшего, известного защитника Рима от тиранов. Катон был старше Брута и прославился своей борьбой против предшественника Цезаря — тирана Катилины, который попытался захватить власть, но был убит в бою. Так, в 1775 году в письме мужу Мерси первый раз использует псевдоним Марция. Следующим адресатом стала Эбигейл Адамс. Письма Мерси и Эбигейл в годы революции и Войны за независимость выглядят как переписка Марции и Порции. Пока мужья воюют с тираном, две «римские матроны» поддерживают друг друга, дабы не пасть духом и не утратить надежду — таким был общий настрой их многолетней переписки. Учитывая, что этим «матронам» и их мужьям удалось вернуть Рим из небытия, было бы неплохо попробовать повторить их опыт. По крайней мере, купить себе том Тита Ливия и начать читать.

Глава вторая

А была ли революция?

Среди версий, почему Американская революция оказалась успешной, есть и такая: революция получилась, потому что это была не революция. Согласно этой версии, отцы-основатели США много говорили о радикальных переменах во имя свободы, но на практике были убежденными, как выражались в России при последних Романовых, «постепеновцами».

Они выступали против «быстрых реформ» и «решительных действий». Их общий метод был «не опережай события». Они предпочитали улучшения, которые происходят сами собой и без усилий. Они не были слепыми и видели проблемы своего общества, но не спешили с принятием мер. Если им казалось, что ситуацию улучшить прямо сейчас невозможно, решение откладывалось на потом. Некоторые проблемы они сознательно перекладывали на плечи будущих поколений. Выражаясь мягко, для революционеров они были слишком терпимыми к уродливому несовершенству мира сего. Вашингтон, Джей и даже по-парижски мечтательный Джефферсон были готовы мириться с тем, что рядом кто-то страдает, — черта, нехарактерная для тех, кого обычно называют революционерами.

Американские управленческие «эксперименты» на фоне масштабных проектов французских и позже российских революционеров выглядят как вполне сознательное упражнение в искусстве компромисса. Отцы-основатели относились к государственному управлению скорее как технократы. Революционный пыл не кружил им головы, и мечты о прекрасном будущем их не слепили. И, собственно, поэтому, как утверждают некоторые авторы, их республика, несмотря на все противоречия и конфликты, до сих пор существует.

Книга известного американского историка Джозефа Дж. Эллиса «Американская революция и ее противоречия, 1773–1783»¹ описывает отцов-основателей как «умеренных революционеров». Обычно, когда слово «умеренный» оказывается по соседству со словом «революционер», предполагается юмористический контекст. «Умеренный революционер» — это герой комедии Чехова, сказки Салтыкова-Щедрина или ядовитых мемуаров Герцена. У чешского писателя Ярослава Гашека была «Партия умеренного прогресса в рамках закона» — пародия сразу на все ультралоялистские партии предвоенной Австро-Венгрии. Партия американских умеренных революционеров вполне могла бы вступить в коалицию с чешской партией умеренных прогрессистов; они явно нашли бы, в чем согласиться друг с другом.

По мнению автора, отцы-основатели США — это необычный случай и абсолютно уникальное явление в политической истории *Homo sapiens*. Настолько уникальное, что в их отношении это словосочетание не должно вызывать улыбку.

Про автора следует знать, что он один из самых уважаемых американских историков наших дней. Эллис получил докторскую степень в Йельском университете в 1969 году и пишет книги об Американской революции уже пятьдесят лет. У него есть книга о Джефферсоне, книга о Вашингтоне, книга об Адамсе и даже отдельная книга о том, как они общались друг с другом.

В списке его достижений есть звание заслуженного профессора истории, Пулитцеровская премия, американская Национальная книжная премия; две его книги стали бестселлерами *The New York Times*. «Американская революция и ее противоречия, 1773–1783» — это обобщающая работа Эллиса, если можно так выразиться. На лекциях, приуроченных к ее выходу, он часто говорил, что желал бы, чтобы книга про

¹ *Ellis J. J. The Cause: The American Revolution and Its Discontents, 1773–1783. New York: Liveright Publishing, 2021.*

«умеренных революционеров» была его первой, но, к сожалению, это невозможно. Для ее написания ему понадобилось провести полвека в исторических архивах и выпустить десяток книг на иные темы. Помимо прочих нюансов, Эллис считает эту книгу самой свободной от предрассудков, условностей и ограничений, которые накладывают на нас наша культура, язык, класс и прочее, присущее человеку.

Автор настроен решительно и с первых страниц опровергает голливудскую версию революции в Америке. По его мнению, история революции в Америке не была яркой и поэтической: в ее основе лежали не мечты колонистов о правах и свободах, а серия грубых управленческих ошибок Лондона. Причем ошибок настолько вопиющих, что они занимают особое место в хрониках британского государственного управления. Ни до, ни после Лондон не ошибался так серьезно и такое длительное время, как в случае с новыми налогами для американских колонистов. Несколько лет подряд парламент и король принимали плохие и очень плохие решения и в результате буквально вынудили колонистов взяться за оружие.

По словам автора, если бы не этот внезапный приступ неадекватности, недовольство в колониях легко можно было бы свести на нет. Несколько замен в колониальных администрациях, несколько уступок, пара новых торговых соглашений, допуск представителей колоний в парламент — и жизнь пошла бы своим чередом. Даже накануне событий, приведших к Декларации независимости, колонисты не видели проблемы в своих отношениях с британским монархом. Им было комфортно в роли подданных, они были лояльны короне и не искали лучшего варианта для своих детей.

Кто знает, возможно, в наши дни Канада, США и Великобритания были бы одной страной. В ранних записях Бенджамина Франклина можно найти размышления — ироничные, но тем не менее — по поводу переноса столицы на новый

континент. Увы, король и парламент сделали все от них зависящее, чтобы этого не произошло. В этом отношении история самого Франклина очень показательна. В 1776 году, когда была подписана Декларация независимости, ему было семьдесят лет. Восемнадцать из них он прожил в Лондоне. Первый раз он оказался в метрополии, когда ему еще не было и двадцати. Он влюбился в Лондон с первого взгляда, и с годами его привязанность только росла. Франклин считал Лондон лучшим местом на земле, особенно для предпочитающих, как и он сам, интеллектуальные удовольствия.

Благодаря британцам случилось невозможное: семидесятилетний Франклин по-юношески резко изменил свое отношение к Лондону. За считанные недели он проделал путь от обожателя Лондона до убежденного сторонника независимости Штатов. Более того, он использовал все свое влияние и все свои таланты, чтобы уговорить короля Франции передать оружие сторонникам демократии в Америке. И у него получилось: девяносто процентов расходов американской армии покрывались из бюджета Франции. Уникальный случай в истории: монарх страны, в которой придумали абсолютную монархию, поддерживал борцов против монархии. Настолько убедительным оказался Франклин!

Что же послужило причиной такой трансформации? Событий было много, но последней каплей стало публичное унижение Франклина, когда ему пришлось в течение часа выслушивать обвинения в предательстве интересов Британии в центре Лондона в присутствии знавших его людей. Обвинения были беспочвенными по содержанию, оскорбительными по форме и совершенно несправедливыми: обвинитель увидел в действиях Франклина революционные мотивы, хотя Франклин изо всех сил — и даже с риском для своей семьи — старался удержать колонии от восстания. Непонимание такого масштаба вкупе с ударом по репутации за один вечер превратило

Франклина-монархиста во Франклина — отца-основателя Соединенных Штатов.

Многие колонисты, взявшие в руки оружие, уже имели похожий опыт. Чаще всего они получали его, взаимодействуя с местной колониальной администрацией, реже — в результате переписки с департаментами в Лондоне. Неадекватные, странные, грубые, без тени уважения ответы британских администраторов оказались самой важной причиной политического сдвига в колониях, считает автор книги.

Что произошло в Лондоне? Откуда взялся этот новый тон? Джозеф Дж. Эллис прямо называет причину, и она более чем знакома и понятна российскому читателю: у британского правительства случилось чистое, сияющее, ничем не замутненное величие — у короля и парламента закружилась голова от успехов. Они только что победили Францию в долгой, изнурительной войне, в результате чего к Британии отошли владения по всему миру, от Канады до Африки. Победа над старейшим соперником, новые колонии в дальних странах, новые источники доходов, невиданные перспективы — Британия впервые для себя оказалась в роли мировой державы. Как это часто бывает в подобных случаях, успех многое поменял в головах, и не в лучшую сторону. На смену скучному реализму пришло радужное величие, которое потребовало масштабных свершений.

Повод ждать себя не заставил. Североамериканские колонии оказались подходящей площадкой для демонстрации миру своей мощи, своего размаха и своего масштаба. Для начала в ответ на скучные жалобы колонистов на налоги им дали понять, что никого не собираются слушать. Потом начались масштабные действия с театральным подтекстом. Десятки тысяч солдат были перевезены через океан. Судя по воспоминаниям наблюдателей, когда британский флот приплыл в Нью-Йорк, за корабельными мачтами не было видно горизонта — достойный повод задрать подбородок. Уже после поражения в Войне

за независимость множество монархистов эвакуировались в Канаду, на Британские острова и даже в Африку — очередная демонстрация своих возможностей.

Тезис об одержимости величием должен пояснить читателю, почему автор считает отцов-основателей «умеренными революционерами». Это была не революция. Это был неизбежный переход власти к тем, кто остался в своем уме. Метрополия перестала быть собой, принимаемые ею решения, очевидно, становились все неприемлемее, и «отцы» — Вашингтон, Адамс, Франклин, Джей и прочие — не могли не попытаться взять ситуацию в свои руки. Другими словами, они не собирались менять общество — они хотели его сохранить. Основателям был удобен порядок дел в колониях, каким он был до всплеска величия в Лондоне. Их революция была про возвращение к тому, что было раньше. В этом, как утверждает автор, ответ, почему Американская революция не привела к хаосу, о котором, к сожалению, так много известно российскому читателю. Отсутствие амбиций по улучшению общества ставит под вопрос революционность этой революции. Можно ли называть революцией событие, после которого общество либо совсем не изменилось, либо изменилось незначительно?

Джозеф Дж. Эллис подробно останавливается на вопросе о колониальных проблемах, которые отцы-основатели тактично игнорировали. В качестве яркого примера он приводит недавно восстановленную в деталях биографию Гарри Вашингтона — раба Джорджа Вашингтона, первого президента США. Гарри убежал с плантации в самом начале Войны за независимость. Он хотел записаться в британскую армию, в так называемый Эфиопский полк, и воевать за сохранение колоний в составе империи. По распоряжению короля всем рабам в штате Вирджиния, записавшимся в полк, была гарантирована свобода. Гарри хотел быть свободным и выбрал империю. Автор замечает: и Джордж Вашингтон, и Гарри Вашингтон отправились

в армию для борьбы с тиранией во имя свободы. Они выехали из одной географической точки — Маунт-Вернона. Разница в том, что для Джорджа Вашингтона тираном являлся король Британии, в то время как для Гарри это был сам Вашингтон, а король — освободителем.

Гарри служил в так называемых «Черных пионерах», активно участвовал в боевых действиях и стал капралом. После поражения Британии в 1783 году он был эвакуирован в Новую Шотландию, на территорию нынешней Канады. Гарри женился на бывшей рабыне: она тоже воспользовалась революцией, чтобы сбежать от революционеров. Они родили троих детей, жили и работали на своей ферме. Долгие холодные зимы и конфликты с местными вынудили Гарри с семьей и другими бывшими рабами сменить Канаду на британскую колонию в Африке. В 1792 году они переехали в Сьерра-Леоне и купили ферму рядом со столицей, Фритауном. В 1800 году Гарри принял участие в протестах по традиционному для британских колоний поводу: администрация ввела новые налоги без обсуждения с налогоплательщиками. Протесты были подавлены, суд запретил Гарри посещать столицу и отпустил домой.

Джордж Вашингтон не освободил ни одного своего раба. Так же поступили и многие другие отцы-основатели. Как пишет Эллис, по поводу рабства основатели придерживались мнения, что спешить не надо. Они были уверены, что рабство изживет себя само в ближайшие годы — прежде всего в экономическом смысле. По их мнению, рабство может существовать, пока оно прибыльно. Как только оно перестанет приносить доход, оно мгновенно уступит место обычному найму, и рабы станут свободны. Как мы знаем, эти расчеты не оправдались: новые технологии обработки хлопка сделали рабство еще более прибыльным. Через двадцать лет после революции количество рабов в Штатах выросло в полтора раза.

Кроме рабства, существовало еще как минимум три проблемы, которые не были решены основателями. Во-первых, как пишет Эллис, подписание мирного договора с британцами одновременно означало объявление войны коренным народам Северной Америки. Теперь колонисты могли захватывать новые земли, не считаясь с мнением короля и парламента, которые при всех своих недостатках пытались соблюдать некоторые приличия.

Во-вторых, как минимум четверть жителей колоний симпатизировали королю и не верили в республику. Они воевали на стороне британских войск и после поражения ожидало столкнуться с преследованиями. Эллис оговаривается, что опыт американских монархистов не идет ни в какое сравнение с опытом бывших «белых» в СССР. Общим стремлением основателей было избежать преследований. Помимо прочих, здесь снова угадываются экономические мотивы. Необходимость выплачивать послевоенные долги делала нежелательными любые конфликты внутри американского общества. Ссора с американскими сторонниками короля, не бежавшими в Канаду, могла дорого обойтись, и поэтому их преследование не одобрялось. Тем не менее мнение лоялистов о том, как нужно управлять Штатами, никто учитывать не собирался.

И в-третьих, «отцы» не думали о женщинах. Американки не могли голосовать, не могли избираться, их судьба оставалась в руках мужчин, что, очевидно, противоречило программным документам. Если у каждого человека есть права, то и у женщин должны быть возможности для политического самовыражения. Эллис приводит в пример переписку Адамса, второго президента, с его супругой Эбигейл по поводу права женщины на участие в выборах. Эбигейл в письме рассуждает о необходимости участия женщин в политике. Адамс был так далек от этой мысли, что воспринял идеи своей супруги как шутку.

Кермит Рузвельт III, автор книги «Нация, которой никогда не было: реконструкция истории Америки»², идет еще дальше и утверждает, что отцы-основатели мало похожи на американцев, живущих в Штатах сейчас.

Кермит Рузвельт III родился в 1971 году, за два года до выхода первой книги Джозефа Дж. Эллиса, и принадлежит уже к другому поколению. Рузвельт окончил Йельский и Гарвардский университеты и является профессором Пенсильванского университета, где преподает конституционное и международное частное право. Учитывая фамилию, следует сказать пару слов о его семье: Кермит Рузвельт III — праправнук Теодора Рузвельта, двадцать шестого президента Америки. И дальний племянник Франклина Рузвельта, тридцать второго президента.

Эта книга написана в очень специфической манере. Если Эллис пишет скорее романы, то Рузвельт как будто сочиняет расширенные посты для социальной сети. Его стиль можно назвать излишне эмоциональным, а суждения — не всегда сдержанными даже по американским меркам. Иногда читателю приходится напоминать себе, что это написал дипломированный юрист, а не анонимный блогер. И что в руках бумажная книга, а не смартфон.

Кермит Рузвельт III считает, что в школьных учебниках и СМИ сильно преувеличена революционность Американской революции. С его точки зрения, Декларация независимости и конституция не содержат ничего революционного, поскольку у тех, кто их подписывал, на уме было что угодно, кроме революции. В первую очередь они защищали свои экономические интересы. Их отношение к вопросам морали было, мягко говоря, не совсем таким, как у американцев в наши дни.

² *Roosevelt III K. The Nation That Never Was: Reconstructing America's Story. Chicago: The University of Chicago Press, 2022.*

Ссылаясь на историков, он утверждает, что Джефферсон и Вашингтон стали считаться основателями не так давно. Для американцев во времена Войны за независимость эту роль выполняли основатели колоний первой половины XVII века. Адамс и Джефферсон были записаны в основатели после Гражданской войны, когда Авраам Линкольн, шестнадцатый президент Америки, начал выборочно ссылаться на их тексты, призывая Север и Юг забыть о разногласиях. Линкольн цитировал Джефферсона и других, потому что на тот момент это был лучший способ сплотить расколотое общество. После Гражданской войны любые средства для объединения были хороши, и Джефферсон пришелся к месту.

В наши дни, как считает автор, у американцев есть выбор. Если им в самом деле важны принципы свободы и равенства, то свои корни они будут искать в движениях за отмену рабства, за право женщин участвовать в выборах, за восстановление справедливости в отношении коренных народов. Так они найдут много общего с первыми американскими феминистками и ничего — или почти ничего — с отцами-основателями, которые нарочно обходили сложные вопросы стороной, заботясь больше о праве собственности и экономических материях.

По мысли Кермита Рузвельта III, переосмысление роли основателей должно избавить американцев от ситуации, когда им приходится читать рассуждения рабовладельцев о равенстве. Логика здесь простая и очевидная: если в основе Американской республики лежит идея борьбы за права каждого, то пантеон героев этой революции должен отойти на второй и, возможно, третий план. Поскольку их любовь к идеям равноправия была скорее платонической, к «отцам» следует относиться с тем же осторожным уважением, что и к первым европейским поселенцам на новом для них континенте. Сфокусироваться следует на тех, кто равные права ставил на первое место, в том числе на участников Гражданской войны, случившейся веком позже.

Именно вопрос равноправия стал причиной столкновения Севера и Юга: Юг был уверен, что права человека напрямую зависят от цвета его кожи, а Север считал, что цвет кожи не имеет никакого значения. И это как раз тот сюжет, на который стоит обратить внимание демократии, считающей равноправие своей фундаментальной ценностью.

Глава третья

Все могло пойти не так

Российскому опыту за прошлые сто лет как нельзя лучше подошла бы характеристика, данная Достоевским в романе «Идиот» одному из самых грустных его персонажей: «Это был человек замечательный по своим беспрерывным и анекдотическим неудачам».

«Анекдотические неудачи» — так могла бы называться многотомная хрестоматия по новейшей российской истории. Последние сто лет многие «эпохальные события» сначала в Санкт-Петербурге, а потом и в Москве имеют все признаки «анекдотических неудач». Один только переход власти от Романовых к марксистам выглядит как уникальный по своим масштабам исторический анекдот — комедийный и ужасный одновременно. А ведь после него были еще и коллективизация, и борьба с троцкистами, и многое другое, не менее увлекательное, включая замену марксистов на бородатых вроде-бы-традиционалистов.

Неудач у России в самом деле как-то слишком много, каждая приводит к волнам внутренней и внешней эмиграции, после каждой на кладбищах появляются тысячи и тысячи преждевременных надгробий, а в психиатрических клиниках (и монастырях) — толпы новых страждущих, чье возвращение к разумной жизни вряд ли когда-нибудь случится.

На фоне непрерывной достоевщины российского опыта история США кажется почти игрушечной. Общее настроение заметно светлее, несмотря на Войну за независимость, Гражданскую войну и столетия легального рабовладения. Даже сегодня, когда США далеко не в лучшей своей форме, мигранты с перспективными профессиями и идеями выбирают именно их.

Сравнение исторических треков США и РФ легко может навести на мысль о каком-то проклятии или трагической предрасположенности к неудачам, которая делает российский путь таким извилистым. И о счастливом талисмани, благодаря которому американские шоссе в направлении счастья выглядят заметно прямее.

Возможно, так оно и есть: все дело в талисмани и проклятии. С другой стороны, как любят повторять в кабинетах на Зубовском бульваре в Москве, «не все так однозначно». В американских академических библиотеках без труда можно найти работы о том, что успех отцов-основателей США, во-первых, был построен на твердом фундаменте «анекдотической неудачи» британской колониальной администрации.

И во-вторых, о том, что сами отцы-основатели причастны к нескольким катастрофам настолько романовского масштаба, что не каждый Романов смог бы позволить себе такой размах.

В книге американского историка Джонатана Далла «Чудо американской независимости: двадцать вариантов, как все могло бы сложиться иначе»¹, написанной в жанре «а что, если...», показано, насколько маловероятным был успех Американской революции и как высоки были шансы у американцев на «анекдотическую неудачу».

Джонатан Далл в течение тридцати с лишним лет работал в архивах Бенджамина Франклина (солидный мужчина на сто-долларовой купюре). Первая книга Далла вышла еще в семидесятых и была посвящена роли французского военного флота в победе американцев над британцами. Благосклонные отзывы на нее можно найти в толстых академических журналах по обе стороны Атлантики.

Свои размышления о хрупкости первого американского успеха автор начинает с малоизвестного факта: военный корабль, который в 1776 году перевез Бенджамина Франклина

¹ Dull J. R. The Miracle of American Independence: Twenty Ways Things Could Have Turned Out Differently. Lincoln: Potomac Books, 2015.

из Америки во Францию, на обратном пути попал в шторм и затонул. Миссия же Франклина, как уже упоминалось, заключалась в том, чтобы убедить французского короля поддержать борьбу американцев за республику, и у него это получилось. Учитывая масштаб французской помощи американцам в их войне с британцами, затонувший корабль с Франклином на борту вполне мог поставить крест на перспективах демократии в Северной Америке.

Всего Джонатан Далл перечисляет двадцать альтернативных сценариев, указывая на те моменты в истории, когда «все могло пойти не так» и «вернуть не туда» во вполне знакомом российскому читателю смысле — когда у самых больных фантазий появляется возможность стать былью «всерьез и надолго».

К примеру, как считает автор, в 1776 году, когда Франклин оказался в Париже, у короля Людовика XVI было достаточно оснований для того, чтобы отказать американцам в помощи. Недавно закончившаяся война с Англией обошлась Франции в астрономическую сумму. Средства на войну были взяты у кредиторов, долг нужно было отдавать. Еще одна большая война была не по карману и могла привести к тяжелым экономическим и даже политическим последствиям. В случае с Америкой театр военных действий располагался на другом континенте, что, очевидно, увеличивало стоимость участия в конфликте. Французский флот на тот момент заметно уступал британскому, что, опять же, умножало вероятные затраты.

Открытым оставался вопрос: как американские революционеры собираются отдавать свои долги? Если они проиграют, их казнят, как британский король и пообещал. Если выиграют, то откуда они возьмут так много денег?

В экономике того времени североамериканские колонии были не самыми богатыми и приносили в британскую казну не так много. По-настоящему доходными были колонии в Карибском море. Ямайка, с ее сахарными плантациями, могла бы

помочь французскому королю решить его проблемы с кредиторами, но на Ямайке никто не хотел республику. Республика нужна была на американском Севере, где доходы были ниже, а неповиновение властям достигало впечатляющей высоты.

Учитывая все это, Далл предлагает следующий вариант развития событий: выслушав аргументы Франклина, король принимает решение отклонить его предложение, мол, «риски от поддержки американцев высоки, а выгоды сомнительны». Согласно рекомендациям французских финансистов, Людовик направляет все свои силы на выплату долгов, приведение в порядок налоговых служб, улучшение работы судов, образование, развитие наук и тому подобное.

Мудрое решение короля скоро приносит свои плоды: Франция быстро восстанавливается, кредиторы в восторге от выплаченных долгов, европейские банки выстраиваются в очередь, предлагая новые кредиты на новые проекты его величества.

На другом берегу океана ситуация абсолютно противоположная. Для американцев решение Людовика означает, что их армия лишается поставок пороха, мушкетов и первоклассной французской артиллерии; военные операции нужно планировать самим, без опоры на знания и опыт французских специалистов — профессиональная французская армия не будет стоять рядом с вооруженными чем попало американскими гражданами. Без поддержки Парижа американцы не могут привлечь иностранные займы, поскольку никто не верит в их успех и никто не хочет одалживать тем, кому грозит виселица.

Оставшись в одиночестве, опираясь только на свои силы и случайные успехи контрабандистов, американцы уклоняются от боевых действий; их техническое отставание слишком очевидно. Джордж Вашингтон виртуозно скрывает от европейских наблюдателей нехватку ресурсов и изо всех сил старается сохранить армию, но солдаты, не видя перспектив, дезертируют каждую ночь.

Британцы умело используют ситуацию. Поскольку вмешательство французского флота не грозит и к десанту французских войск готовиться не надо, британская армия может действовать решительно. Довольно скоро у нее может появиться возможность выиграть войну в одном большом сражении.

По мере приближения к поражению революции резко усиливается поддержка сторонников британского короля. Отряды ополченцев-лоялистов помогают британской армии, с каждым днем их становится все больше. Моральный дух колонистов стремительно падает, и все больше ассамблей начинают требовать примирения с Британией. Умеренные лидеры публично дистанцируются от тех, кто слишком громко приветствовал Декларацию независимости, и активно ищут возможность показать свое уважение короне.

В результате Британия предлагает колониям ограниченную автономию под своей властью. Колонии соглашаются. Британское правление восстанавливается, Американская революция терпит полное поражение, вчерашние революционеры ищут спасения от преследований в Париже, который переживает небывалый расцвет.

Согласно другому сценарию автора, революция могла завершиться и до переговоров Франклина с Людовиком. Армия Вашингтона могла быть побеждена и рассеяна уже в первые месяцы после прибытия британских войск в Америку. В самом начале у британцев были все шансы на быструю победу. Нехватка пороха и отсутствие опыта у американцев делали их крайне уязвимыми для атак профессиональной армии. Американцы были полны энтузиазма, и их готовность рисковать своими жизнями впечатляла.

С другой стороны, ситуация с оружием была настолько плохой, что тот же Франклин всерьез предлагал использовать луки и стрелы и даже проводил расчеты, сколько именно понадобится того и другого, чтобы надежно защитить республику от

посягательств заокеанского короля. Дж. Далл утверждает, что быстрая победа не получилась, потому что британские генералы несколько раз упускали возможность нанести американцам поражение. С точки зрения Лондона речь шла не о революции, а о еще одном возмущении подданных по поводу чрезмерных налогов — известный и понятный сюжет.

Рецепт гуманного — по меркам XVIII века — подавления такого рода возмущений предлагал использовать устрашение. Оружие скорее демонстрировалось, чем применялось. Заново покорять свои же колонии британцы не считали целесообразным: завоевание и сопутствующие разрушения дорого обходятся. Армия своим грозным видом должна была помочь восставшим опомниться, трезво оценить свои перспективы и как можно скорее вернуться к королю со смиренными мольбами о прощении.

Избегая дополнительных обременений для казны, британцы действовали осторожно и в результате раз за разом позволяли американцам перегруппироваться, собраться с силами, дожидаться удачи. Они дали американцам время, и это было крайне недальновидно с их стороны. Время позволило американцам одержать несколько побед и найти союзников — и это изменило ход событий. Если бы британцы меньше заботились о тратах, у Американской революции осталось бы не так много шансов на успех.

Какая судьба ждала бы участников революции в случае поражения? Не исключено, что они вошли бы в историю примерно так же, как российские декабристы: несколько сотен мужчин со всеми возможными в их обществе привилегиями, желая занять место монарха, обманули своих солдат, вывели их под пушки и оглушительно проиграли. Американская революционная армия, безусловно, отличалась от российской, которая вышла на Сенатскую площадь. Начать хотя бы с того, что американцы брали в руки оружие добровольно. С другой стороны,

как скажут философы, добровольность не всегда дружит с рациональностью. И тем более с инстинктом самосохранения.

Добровольность не отменяет того факта, что армия Вашингтона защищала экспериментальный политический проект. Новая Римская республика должна была появиться после победы. О том, как именно она будет выглядеть, было больше споров, чем согласия. Перспективы республики на новом континенте в мире процветающих абсолютистских монархий были сомнительными. Чтобы вести людей на смерть ради настолько туманного будущего, нужно не ставить под вопрос рациональность решений. Декабристы скрывали от солдат свои намерения; отцы-основатели не особенно акцентировали внимание на том, за что именно ополченцы готовы отдать свои жизни, — в случае поражения эти ситуации выглядели бы схожими.

Самый обидный сценарий катастрофы, предложенный Даллом, выглядит так: распад Штатов сразу после подписания мирного договора с Британией в 1783 году. Сложности могли начаться уже на следующий день. США на тот момент — хрупкая конфедерация вчерашних колоний. Штаты управляют собой сами и с подозрением относятся к соседям. С еще большим подозрением они относятся к центральному правительству. Решения, касающиеся конфедерации, требуют единогласного одобрения всех штатов — у каждого есть право на вето.

Схожая модель управления была в то время у Республики Соединенных провинций, Голландской республики, которая являлась известным примером неэффективности. Речь Посполитая, старейшая республика на континенте, управлялась еще хуже, и к концу века ее территории были поглощены тремя соседними империями.

Далл утверждает, что без сильного центра США рисковали распасться на соперничающие объединения штатов. Распад мог привлечь внимание Великобритании и привести к повторному

поглощению империей. У Испании тоже были виды на американские территории, особенно на юге. О том, насколько вероятным было повторение польского сценария в Северной Америке, можно судить по галопирующей инфляции, торговым спорам между штатами, нарастающей частоте конфликтов с коренными народами.

Множащиеся проблемы подтолкнули отцов-основателей, а также кредиторов, уставших ждать возвращения своих вложений и процентов по ним, к реформам с целью создания сильного централизованного правительства, способного влиять на ситуацию в экономике. Реформы столкнулись с ожесточенным сопротивлением антифедералистов — преимущественно с юга, — видевших в централизации покушение на суверенитет штатов и личные свободы граждан. С их точки зрения, создание сильного центра возвращало в Штаты дух британской деспотии, от которого американцы только недавно избавились.

В этот период существование американского проекта зависело и от политической изобретательности, и от удачи. К счастью для Штатов, у них был Джордж Вашингтон — военный лидер, уважение к которому было сильнее взаимных претензий. Его авторитет и стоическая сдержанность сделали реформы возможными, и эксперимент продолжился.

Что случилось бы, если бы не Вашингтон? В XVIII веке люди были беззащитны против самых простых, на наш взгляд, болезней. Привычка Вашингтона к долгим верховым прогулкам в непогоду могла прервать его жизнь несколькими годами ранее. Какая тогда судьба ждала бы Штаты?

Материалы для рассуждений о возможных плохих сценариях можно найти в книге историка Роберта П. Уотсона «Когда Вашингтон горел: британское вторжение в столицу и возрождение страны из пепла»². Основной сюжет книги малоизвестен

² *Watson R. P. When Washington Burned: The British Invasion of the Capital and a Nation's Rise from the Ashes. Washington, DC: Georgetown University Press, 2023.*

российскому читателю: 24 августа 1814 года британская армия сожгла столицу Штатов. Автор ставит это событие в один ряд с Перл-Харбором, атакой на башни-близнецы в 2001 году и недавним штурмом Белого дома сторонниками Трампа.

Причину того, что британцам удалось захватить Вашингтон, автор видит в коллективной некомпетентности. Ни военное командование США, ни гражданские офисы не справились со своими обязанностями. Решения были одно хуже другого. Командующий Армстронг игнорировал донесения о планах британцев взять столицу вплоть до ее взятия. Только когда в городе загорелись первые правительственные здания, он согласился с тем, что у британцев явно есть планы на Вашингтон.

В книге особенно живо изображены сцены растерянности государственных служащих. К примеру, когда британцы подожгли Белый дом, в пожаре сгорели личные вещи первых трех президентов. Мебель, книги, альбомы Джефферсона, Адамса и самого Вашингтона были навсегда утрачены: их не вывезли из-за паники.

Важнейшие документы — Декларация независимости, Билль о правах, Конституция — были чудом спасены несколькими чиновниками Государственного департамента Штатов. На тот момент этим чиновникам было всего по двадцать с небольшим лет. Их более зрелые коллеги, охваченные паникой, забыли об основополагающих документах своей страны. Если бы не гражданская доблесть нескольких молодых людей, документы, провозгласившие независимость Штатов, легко могли оказаться в коллекции британского короля. Также в королевские руки могла попасть корреспонденция Джорджа Вашингтона, флаги его армий и флаги британских полков, захваченные в ходе Войны за независимость. Молодые люди действовали в спешке, без предварительного плана, на свой страх и риск. Декларацию вместе с другими бумагами положили в простой льняной мешок и на первой попавшейся повозке увезли. Не

менее катастрофично выглядела эвакуация Библиотеки Конгресса, в которой находились в том числе и архивы первых лет республики.

Несмотря на новости о наступлении британских войск, директор библиотеки уехал на минеральные источники. Целью поездки было «омоложение». По мере приближения британцев к столице его возвращение каждый раз откладывалось. Уезжая, он закрыл свой кабинет, в котором хранились отчеты о работе комитетов палаты представителей. Самое главное, в кабинете хранился так называемый секретный журнал Конгресса, в котором были материалы, касающиеся национальной безопасности, внешней дипломатии и военной стратегии.

В критической ситуации, оставшись без руководства, архивы оказались брошены на произвол судьбы. Их спасением занимались рядовые сотрудники библиотеки, чье чувство долга оказалось сильнее страха. Служащие всех департаментов столицы были призваны в ополчение; убедить военных в необходимости отпустить нескольких чиновников, чтобы спасти архивы, было непросто. Когда получилось, до появления войск его величества оставалось несколько суток. С огромным трудом им удалось найти телегу подходящего размера и волов. На телегу было погружено столько документов, сколько она могла выдержать; волы, двигаясь со скоростью никуда не спешащего пешехода, повезли архивы республики прочь из столицы.

Катастрофа стала результатом десяти лет смелых экспериментов в государственном управлении, утверждает автор. Томас Джефферсон, считал сокращение бюджета главным рецептом улучшения жизни граждан. Государство плохо распорядится деньгами, думал он. Чем меньше государство, тем лучше. В соответствии с этой догмой расходы на оборону были сведены к минимуму. Предполагалось, что в случае необходимости гражданского ополчения будет достаточно.

Кроме армии, Джефферсон не любил налоговые службы. Автор Декларации независимости считал, что граждане,

столкнувшись с трудностями, сами могут найти средства для их решения. Частный сбор средств на постройку, допустим, моста через реку однозначно лучше регулярного налогообложения, как это было принято в Европе.

Следующий президент, Мэдисон, разделял отвращение Джефферсона к армии и налогам и тоже предпочитал ополчение и самопомощь. В течение десяти лет в Штатах не строились новые военные корабли, не ремонтировались форты, не обновлялись арсеналы. Военные делали карьеры без ознакомления с искусством ведения войны. Поскольку армия была как будто не нужна, правильный путь к высшим званиям лежал через искусство политической лояльности к президенту и удачный брак.

Нет ничего удивительного в том, что, когда в 1812 году началась война с британцами, американцы были к ней не готовы. Лондон перебросил через океан солдат, которые участвовали в войнах против Наполеона. Ими командовали офицеры с многолетним боевым опытом. Встреча ветеранов политических интриг с ветеранами боевых действий закончилась предсказуемо. В этой «анекдотической неудаче», стоившей американцам столицы, есть и знакомые российские ноты, вселяющие надежду: совсем позорному разгрому помешал климат.

Необычная в тот год жара резко снизила темп британских войск. На марше солдаты постоянно падали в обморок от солнечных ударов, несколько умерло от перегрева. Когда столица была уже захвачена и подожжена, случился ураган, а за ним — мощное торнадо. Ветер выкорчевывал деревья, переворачивал дома и вырывал посевы на полях. Армия его величества пробыла в Вашингтоне немногим более суток. Переждав тяжелый ливень с обломками черепицы, она оставила город, опасаясь следующей порции природных катаклизмов. По легенде, адмирал Джордж Коберн, командовавший британцами, на выезде из города спросил у местной женщины: «И это та погода, к которой вы привыкли в этой inferнальной стране?»

Глава четвертая

Соединенные Штаты как дистиллят Соединенного Королевства

Один из ответов на вопрос, почему у отцов-основателей США получились США, а не как это обычно бывает у государственных деятелей из бывшего СССР, звучит следующим образом: потому что они уже много раз это делали. У отцов-основателей была достаточно богатая и разнообразная практика. В течение своей жизни они основывали все подряд: от водяных мельниц и начальных школ до бульварных газет и пожарных команд. И даже когда они ушли на покой, то не стали сидеть сложа руки: одни занялись написанием истории основания своей страны, в то время как другие — созданием парков. Такая же ситуация была и у их отцов. И у отцов их отцов. Все две-сти лет перед своей революцией американцы были заняты основанием чего-то важного и комплексного. И когда в 1776 году появилась возможность, они основали новую страну на принципах, которые уже много раз доказали свою эффективность.

Иными словами, если бы они и захотели сделать, «как у постсоветских», у них вряд ли получилось бы. Чтобы начать основывать, «как в бывшем СССР», им пришлось бы серьезно переучиваться, получать иные «навыки и умения». В книге историка с гарвардским прошлым Джона Фредерика Мартина «Прибыль в дикой местности: предпринимательство и строительство городов Новой Англии в XVII веке»¹ описывается, как инвесторы с Британских островов основывали новые города в Америке и учились извлекать из них прибыль. Книга была опубликована в 1991 году уважаемым Omohundro Institute и вошла в шорт-лист Пулитцеровской премии.

¹ *Martin J. F. Profits in the Wilderness: Entrepreneurship and the Founding of New England Towns in the Seventeenth Century.* Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press for the Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1991.

Эта книга важна, поскольку показывает, насколько рационально были устроены первые колонии с самого начала. Колонии начинались как компании, были узко ориентированы на прибыль и управлялись скорее как предприятия, чем как старосветские графства и епископства.

Джон Мартин с первых страниц книги осторожно критикует популярные представления о том, как появлялись первые колонии на новом континенте. С его точки зрения, известный всем сюжет о трудолюбивых крестьянах-протестантах, которые, переплыв океан в поисках религиозных свобод, строят на берегу Гудзона уютный городок с молельным домом и живут благополучной и тихой жизнью, не совсем совпадает с тем, о чем говорят документы.

Джон Мартин изучил архивы шестидесяти трех городов Новой Англии, которые были основаны в самом начале заселения континента, и утверждает, что картина была иной. Безусловно, среди переселенцев было много крестьян. В XVII веке, за двести лет до промышленной революции, иначе и быть не могло. И некоторая часть из этих крестьян была крайне религиозной. Но, как водится, это далеко не все, что следует знать. Для начала автор предлагает обратить внимание на практические вопросы. Как именно переселенцы пересекали океан? Как нанимался корабль? Где они брали инструменты, чтобы построить свой новый город? Кто защищал новое поселение от французского и испанского королей? Между прочим, даже шведский монарх держал небольшой гарнизон недалеко от нынешнего Нью-Йорка. В популярной истории об этом мало что говорится, поскольку это сильно усложнило бы картину, сделало бы ее менее яркой. Если вообразить, что Америка — это история о том, как финансисты из Лондона наняли тысячи работников для плантаций табака на новых землях, это было бы слишком холодно и слишком похоже на реальность, которая и так у каждого сразу за окном. По мнению Мартина, первые

города в Северной Америке основывались и заселялись именно для прибыли. Религиозные и политические свободы не были среди главных приоритетов основателей колоний. Даже если колонию основывала религиозная община, ее практические действия мало отличались между собой. Протестантская колония — это как любая другая колония, но протестантская. Разница могла быть разве что в упорстве. Религиозно мотивированные работники вроде бы легче переносили неустроенность американской жизни. С другой стороны, простое человеческое желание выжить тоже многое может.

Что еще интереснее, как показывает автор, получатели прибыли от колоний не всегда жили в колониях. Когда новый город наконец-то начинал приносить доход, его делили не только между жителями. Как правило, самые значимые инвесторы продолжали жить в Лондоне или в усадьбах неподалеку и за всю свою жизнь ни разу не посещали Америку.

Лондонские инвесторы были нужны американским фермерам, потому что основать город было им не под силу. Новый город на новом континенте — это много сложных практических задач, о которых переселенцы, как правило, не имели представлений. Для людей, не имеющих замков и родственников в ближайшем окружении монарха, переселение с опорой только на свои ресурсы обычно означало переход к более примитивным практикам выживания.

В экстремальных случаях переселенцы начинали жить как собиратели и охотники, имитируя индейцев, — не самый желанный результат пересечения океана, мягко говоря. Чтобы адаптация к новым условиям прошла без технологического отката в темные века, нужны были ресурсы и компетенции, которые могли быть либо у государственных, либо у крупных коммерческих сервисов. По мнению Мартина, каждый новый город и был результатом тесного взаимодействия инвесторов и государственных учреждений. Новый континент пока только наносился на карты, и достоверные координаты места,

подходящего для заселения, еще нужно было искать. Чтобы город появился на карте, для начала нужно было выбрать место для нового поселения. Потом нужно было получить разрешение у британских властей на основание. Учитывая, что речь идет о властях XVII века, разрешение не было автоматизировано. Нужны были личные — желательно родственные — связи. Потом требовалось наметить дороги, которые свяжут будущий город с портами, соседними городами, гарнизоном.

Потом следовало заключить мирный договор с коренными жителями; в XVII веке без такого договора поселение вряд ли было возможно. Основание поселения без заключения мира было чревато набегами и войнами, которые могли полностью разрушить колонию. Потом нужно было приобрести сотни и сотни инструментов, без которых жизнь на новом месте больше походила бы на пещерную. Поселенцам, спустившимся на берег, сразу нужны были лесопилки, мельницы, кузницы, пивоварни, гончарни, церкви, бондарни, школы, пожарные команды, оружейные мастерские — сотни сервисов, которые необходимо было как можно скорее перевезти через океан и запустить на новом месте.

Кроме того, нужны были лошади, овцы, коровы, козы, свиньи, домашняя птица. Все это должно было быть куплено еще в Британии: в Америке проще было найти живого мамонта, чем дойную козу. Потом нужно было найти людей, готовых переехать в новый мир. Обычно пишут, что во времена первых колоний Британия была перенаселена и желающих уехать было достаточно. Автор с этим не спорит, но уточняет, что в колониях не нужны были просто переселенцы. Колонии были ориентированы на прибыль и остро нуждались в тех, кто ускорит ее появление. Другими словами, колонии вели себя как компании и искали квалифицированных сотрудников. За колониями стояли вкладчики, инвесторы — ни в наше время, ни четыре века назад им не нравилось, когда дивиденды приходят с опозданием.

Как быстро выяснилось, перевозка всех желающих без разбора не приносила пользы. Переселенцы без специальностей были обузой и мешали остальным. Некоторые из не нашедших себе места уходили к коренным обитателям континента, меняли стиль одежды, образ жизни и даже язык. Оба варианта не сулили инвесторам быстрого возвращения вложенных средств. Как вернуть одолженные на билет через океан деньги, если пассажир теперь среди индейцев? Или в перманентном запое? Или уклоняется от выплаты долга и отчаянно ищет возможности вернуться обратно в королевство? Чтобы найти подходящих кандидатов, нужна была реклама — в XVII веке она уже была и стоила недешево. В качестве рекламы могли выступать книги и даже песни. И поверх всего, нужно было найти деньги на все эти операции. Поскольку в первые десятилетия монарх расценивал новые колонии как слишком рискованное занятие, средства нужно было искать у частных лиц.

Чтобы справиться со всеми этими задачами, нужны были люди с особыми компетенциями. Спрос, как известно, рождает предложение. В случае с новым континентом спрос на людей, знающих, как запустить новый город, рос неуклонно в течение десятилетий, и это создало уникальную ситуацию. Как утверждает автор, уже в первой половине XVII века на американском континенте действовал целый класс людей, которых можно было бы назвать классом отцов-основателей. Это были специалисты, которые умели организовать жизнь людей заново. Как правило, речь шла об основании городов с населением в несколько сотен человек. Тем не менее то, как именно эти города основывались, говорит о том, что отцам-основателям было у кого заимствовать практические решения и общее видение.

Историк Малкольм Гаскилл в своей книге «Между двумя мирами: как англичане стали американцами»² описывает но-

² Gaskill M. Between Two Worlds: How the English Became Americans. New York: Basic Books, 2014.

стальгию первых британских поселенцев по Британии. Если Джон Мартин сосредоточен на том, как в XVII веке в Америке усложнялась культура городского управления, то Гаскилл описывает, как тогда выглядели колонии и как прочно эта культура была связана со Старой Европой. Нужно отметить, что на текущий момент М. Гаскилл написал семь книг: одна о том, как в разное время законодательство Британии определяло уголовные преступления; две об истории охоты на ведьм на Британских островах; одна о самом жестоком британском охотнике на ведьм; еще две об охоте на ведьм, но уже в американских колониях и одна о неожиданном перерождении британцев в американцев.

Автору, очевидно, малоинтересны истории успеха в современном смысле слова. Ничего блестящего, быстрого, уникального. Его интересуют сюжеты, когда действительность оказывается хуже ожиданий, а улучшения появляются так медленно и так постепенно, что их легко не заметить. С этой точки зрения у него много общего с теми историками, которые видят в дореволюционной Америке скорее частные земельные компании, представляющие финансовые интересы короля и лордов, чем будущую демократию.

Как пишет Гаскилл, за XVII век триста пятьдесят тысяч жителей королевства перебрались через океан и осели на новом континенте. Переезд не всегда был удачным. Трудности, с которыми сталкивались переселенцы, часто превосходили их ожидания. Разница между тем, что им обещали в Лондоне и что они увидели, сойдя на берег, могла быть более чем радикальной. Иногда финансовые сложности — это единственное, что удерживало переселенцев от возвращения обратно сразу же после прибытия. Неправильно выбранное время переезда на новый континент, ледяные бури, слишком холодная зима, высокая влажность, неизвестные болезни и воинственные племена были самыми частыми причинами неудач. В книге

много частных историй, восстановленных автором в архивах. К счастью для историков, уже в XVII веке среди колонистов нередко оказывались люди с привычкой вести дневники и регулярно писать своим близким. Личные переписки и дневники, подкрепленные документами из архивов, позволяют намного точнее представить, как на практике выглядело освоение Нового Света.

К примеру, одна из историй, о которой упоминает Гаскилл: некий Уильям Трейси в сентябре 1620 года покинул Британию, чтобы возглавить небольшую колонию в Америке. Среди колонистов были его жена Мэри, сын Томас и дочь Джойс с мужем. Они направлялись на частную плантацию на юге, в Вирджинии. Перед их отправкой инвесторы организовали закупку всех необходимых инструментов, оружия, съестных припасов, Библий, молитвословов и даже трех томов «Пути простого человека на небеса» от известного проповедника Артура Дента. Тридцать четыре колониста подписали контракты сроком от трех до восьми лет. Помимо семьи Трейси, в списках колонистов были бондарь, повар, портной и три джентльмена. Указанный в списке мальчик по имени Томас Пирс не имел специальности, но по прибытии на место должен был пройти обучение на плотника — соответствующий договор был заключен с его отцом. Один из переселенцев перед отплытием получил аванс: ему нужно было вернуть свои инструменты, оставленные ранее в залог, и обеспечить уход за женой в его отсутствие.

Как следует из письма одного из колонистов, сойдя на берег, они сразу занялись работами, которые были указаны в контрактах: выращивание кукурузы и табака, строительство домов, посадка виноградника и шелковичных деревьев. Религиозные праздники соблюдались, Евангелие среди индейцев посылно распространялось, шумные праздники с танцами и выпивкой были запрещены. Согласно письму, новоприбывшие вели себя, как было оговорено в их контрактах. Их отношение

к веселью порадовало бы самого строгого пуританина. Колония должна была бы процветать, но действительность оказалась строже. В письме не было сказано, что незадолго до их приезда в эту колонию уже прибыло сорок пять человек. За короткий период времени индейцы убили шестерых из них, четырнадцать умерли от других причин. Новоприбывших ждала не менее печальная судьба. В течение следующих двух лет двадцать восемь из тридцати четырех были мертвы. Один человек утонул, двое были убиты индейцами; остальные, включая мальчика-плотника Томаса Пирса, погибли от болезней. Четверо мужчин из первой партии, встречавшие прибывших на берегу, тоже скоро умерли от болезней.

Глава колонии Уильям Трейси прожил на новом месте меньше шести месяцев; его жена Мэри Трейси, которая волновалась во время отплытия из Бристоля, их беременная дочь и ее муж также были среди погибших. Их сын Томас Трейси был единственным членом семьи, который выжил. В финале колония превратилась в кладбище, и, когда появилась возможность, последний Трейси вернулся в Британию. Пастор колонии тоже вернулся в королевство, и двое джентльменов с ним. Один из них купил билет на тот же корабль, на котором и прибыл.

Были еще истории внезапных ночных набегов, в результате которых одна часть колонистов была к утру убита, другая бежала в лесную чащу и исчезла там без следа. Были истории детей, которых участники набег забирали с собой, и через пару лет они забывали не только свои христианские имена, но и английский язык.

Все эти истории, считает автор, позволили британцам, оказавшимся в Америке, по-новому увидеть свою страну. Нет никаких сомнений, что у многих из них был длинный список претензий к королю и парламенту. Британия не была совершенной, и они об этом знали из своего опыта. Но по сравнению с колониями она точно была развитой, безопасной и комфортной.

Даже если переезд был удачным и трудности скоро оставались позади, жизнь на краю бесконечного леса сама по себе пробуждала тоску по прошлому комфорту. Гаскилл упоминает, как в письмах родственникам переселенцы просили прислать им вещи, у которых не могло быть иного применения, кроме как приглушить тоску по комфорту.

Как это иногда бывает с теми, кто сменил место жительства, переезд только усилил привязанность к родине. У этой новой привязанности было важное отличие: переехавшие точнее понимали, к чему именно они привязаны. И в случае с Британией это была налаженность государственных сервисов, если можно так выразиться.

По мнению автора, в принципе, многие британцы с самого начала принимали решение уехать из Британии, чтобы наконец-то оказаться в Британии. Они уезжали туда, где у них была возможность не создать новое общество, но вспомнить то, которое они уже знали и с которым так во многом были не согласны. На новом месте они строили именно Британию, но не копию, а следующую, более продвинутую версию. Их интересовала такая версия Британии, в которой они хотели бы прожить свои жизни и завещать своим детям. Новые колонии должны были стать Британией без британских недостатков, о которых переселенцы были более чем в курсе. И в XVII веке британцы в Америке не собирались меняться и сооружать себе новую идентичность. До самого последнего момента, до начала революции, они продолжали считать себя британцами и упорно отказывались принимать в расчет три тысячи миль океанской глади между их новым домом и их старой столицей. Каждый раз, когда британские власти намекали им, что придерживаются другого мнения, это вызывало возмущение, переходящее в ярость.

В этом желании оставаться британцем было много больше, чем естественная привязанность к месту своего рождения. Да,

во время революции в ответ на Декларацию независимости американские сторонники короля составили декларацию зависимости — не всякий британский монархист согласился бы на такой шаг. Тем не менее речь шла о куда более зрелых вещах, чем сентиментальная привязанность к монарху.

Для переселенцев быть британцем значило иметь доступ к британским правам и свободам. В течение многих веков на Британских островах шла политическая борьба, шел процесс, который медленно, но верно двигался в сторону того, что мы сейчас называем правами человека. Как пишет Гаскилл, для британцев это движение стало еще очевиднее после пересечения океана. Нужно было оказаться один на один с силами дикой природы, столкнуться с хаосом и произволом, чтобы это понять. Собственно, к движению в сторону прав британцы в Америке и хотели быть причастны. Просто потому, что это движение явно было в сторону света и прочь от тьмы.

В некотором отношении британцы в Америке стали американцами, когда почти случайно смогли дистиллировать свою естественную эмигрантскую ностальгию по родной Британии до необходимости прав и свобод, навечно зафиксированных в конституции. И нельзя сказать, что сама Британия не помогала им в этом. Регулярные грубости британского парламента в адрес колоний, отстраненность монарха, высокомерие генерал-губернаторов значительно ускорили интеллектуальную дистилляцию. С некоторой натяжкой можно сказать, что во время революции американцами стали те британцы, кто уже видел суть Британии в одной лишь возможности обсуждать свои налоги с правительством. И когда британский парламент очередной раз заявил, что у британцев в Америке такого права нет, те решили выйти из Британии: в 1776 году выход из Британии был единственным способом сохранить доступ к британским свободам и ко всем последующим их обновлениям.

Глава пятая

Фронтир как место рождения: *pro et contra*

Из всех попыток объяснить, как у американцев получились их Соединенные Штаты, самая американская, пожалуй, принадлежит историку Фредерику Дж. Тёрнеру, автору книги «Фронтир в американской истории»¹. Его версия была настолько американской, насколько это вообще можно себе представить. Ф. Тёрнер родился в 1861 году. Он приобрел известность уже в самом начале своей научной карьеры, в 1893-м, когда вышло его эссе «Значение фронта в американской истории» (*The Significance of the Frontier in American History*). Презентация эссе прошла на ежегодной конференции Американской исторической ассоциации. Гуманитариям понадобилось почти полвека, чтобы преодолеть притяжение идей, изложенных в этом эссе. Что касается широкой публики, то среди нее и в наши дни идеи Ф. Тёрнера живее всех живых. Его взгляды на причины успеха Соединенных Штатов были крайне специфичны. В то время среди американских интеллектуалов было принято считать, что ключи к пониманию американского успеха хранятся в Париже, Лондоне и Амстердаме. Предполагалось, что первые чертежи американских ассамблей, сенатов, фискальных органов, судебных инстанций и проч. следует искать в Старом Свете. По общему убеждению, самый короткий путь к истине об истоках Америки включал в себя как минимум два билета: первый был до ближайшего города с портом, второй — на пароход через океан к бездонным королевским и папским архивам. Ф. Тёрнер, напротив, утверждал, что покупать билеты не надо: у американского успеха нет и не может быть никаких европейских источников.

¹ Turner F. J. *The Frontier in American History*. New York: H. Holt and Company, 1920.

По его версии, рецепт Америки был найден в Америке. Все, что так буйно цветет и плодоносит на американской земле, не было привнесено извне, но зародилось внутри, естественно и само собой.

Несмотря на подозрительную схожесть с российским черноземным почвенничеством, идеи Ф. Тёрнера сложнее, чем кажутся. У его отказа от Европы были аргументы и ссылки на теоретиков того времени, включая Чарльза Дарвина. Нужно иметь в виду, что такой была гуманитарная наука в конце XIX века. Для начала скажем, что Ф. Тёрнер был согласен с очевидным: Америка — это страна иммигрантов. Он не отрицал, что подавляющее большинство приехало из Старого Света. Кроме того, он был согласен и с тем, что каждый иммигрант — это представитель какой-то страны со всеми достижениями и загогулинами ее истории. Но, считал историк, прошлое иммигрантов не имеет значения. Какими бы кривыми ни были загогулины и какими бы блестящими ни были достижения их родины, мигранты, очутившись в Америке, избавлялись от своего прошлого, изобретали себя заново и таким образом становились американцами. Происходило это потому, утверждал Ф. Тёрнер, что, сойдя на берег, переселенец оказывался один на один с первозданной природой. Эмиграция в Америку становилась особенным опытом. Ничего подобного в Европе быть не могло. Переезд внутри Европы — это смена одного обжитого места на другое. В Америке все было на порядок сложнее: приехавшим приходилось ни много ни мало строить мир с нуля. Сойдя с корабля, иммигрант видел перед собой лес, уходящий вдаль на тысячи и тысячи километров. На севере лес переходил в тундру и далее в арктические льды. На западе он заканчивался на берегу Тихого океана с видом на евразийский Дальний Восток. Перед переселенцами была толща первозданной природы и абсолютно неизвестный им континент без связей с их родными культурами. В Америке не было

дорог, проложенных римлянами, и не было городов, заложенных финикийцами. Не было погребенных под пеплом библиотек с трактатами греческих философов. Иисус Христос, апостолы Петр и Павел не проповедовали в Америке: они не знали о ее существовании. Для иммигранта прикладные советы индейцев были на порядок ценнее знаний из европейских метрополий. Коренные народы лучше понимали свой континент. У них были знания о климате, географии, флоре и фауне — ничего из перечисленного не было у метрополий. Романтизируя, Ф. Тёрнер писал, что тот момент, когда переселенец из Европы, откуда бы он ни прибыл, менял привычную ему обувь на индейские мокасины, можно считать моментом окончательного перевоплощения в американца. Американский фронт — вот где родилась Америка, утверждал Тёрнер. По мере освоения земель фронт глубже и глубже уходил в американские чащи, увлекая за собой волны иммиграции. В ходе этого движения миллионы становились американцами. Осваивая новые земли, они создавали новую культуру, которая, учитывая суровые условия, с самого начала была основана на здравом смысле и инстинкте самосохранения.

Самое важное, считал историк, заключалось в том, что американская демократия появилась на свет как наиболее эффективный способ выживания. У ее появления такие же причины, как и у любого другого изобретения. Американцы придумали демократию, как люди, живущие в сложных погодных условиях, придумывают более теплую и экономичную печь или более прочную крышу. Борьба за выживание, адаптация, инстинкт самосохранения — вот основные силы, стоящие за этим изобретением. Американская сменяемость власти — это не про верность римским и афинским традициям, а про полезность. Смена власти повышает шансы на лучшие управленческие решения, что в условиях борьбы с силами природы крайне важно. Развивая свою мысль, Ф. Тёрнер предложил переоценить

значимость колоний. Первые колонии, расположенные на берегу Атлантики, были слишком европейскими, чтобы быть американскими. Они слишком походили на Англию и Нидерланды, слишком зависели от своего прошлого, чтобы стать источником чего-то принципиально нового.

Настоящими колониями-основательницами, по мнению историка, были те, что находились далеко от Атлантики, в глубине континента, ближе к побережью Тихого океана. Нужно иметь в виду, что сам Ф. Тёрнер родился в штате Висконсин, которого не существовало во время Американской революции. Среди известных всему миру отцов-основателей не было никого из Висконсина. С самого начала колонизации эти территории принадлежали французскому королю. Первые поселенцы приехали с канадских территорий, из Монреаля и Квебека. Они говорили на французском, были убежденными католиками и не испытывали никаких симпатий к протестантам.

Висконсин стал британским случайно, в результате поражения Парижа в очередной англо-французской войне. Это произошло всего за десять лет до революции. Даже после победы революционеров еще примерно полвека Висконсин де-факто контролировался Лондоном. Три президента сменилось, прежде чем Висконсин окончательно перешел под контроль американцев. Когда старые колонии собирались на конгрессах и придумывали себе конституции, жители западных территорий регулярно видели представителей британской короны. Висконсин стал полноправным штатом в 1848 году, всего за 13 лет до рождения самого Фредерика Тёрнера. Его родители и родители его родителей прожили жизнь в мире, одинаково далеком и от Лондона, и от Парижа, и от Вашингтона.

В отличие от остальных известных американских историков, Ф. Тёрнер написал мало — почти ничего, и это необычно. Как правило, американский историк, чье видение было востребовано, оставляет после себя несколько полок сочинений.

Тёрнер был другим, писал редко, предпочитая устное общение во время лекций. Его литературную скупость часто связывают с так называемым писательским блоком: Тёрнер страдал от продолжительной невозможности излагать свои идеи на бумаге. Критики указывали, что он переоценил независимость переселенцев. Иммигранты были не настолько свободны в своих действиях, уверял Ф. Тёрнер. Их зависимость от финансов, технологий и административных возможностей европейских метрополий оставалась существенной. И даже победа колоний в Войне за независимость не привела к отказу от Старого Света. Скорее, речь шла о новом протоколе отношений. Избавление от европейского прошлого, на котором так настаивал историк, тоже имело особенности. Факты говорят о том, что прибывшие с Британских островов — самая большая группа на то время, — несмотря на все тяготы и лишения, связанные с переездом, в итоге не сильно изменились. На новых землях сохранились региональные британские акценты. Названия новых городов повторяли островные. И даже костюмы шились как дома.

Мигранты из других частей Европы переходили на английский язык не сразу, особенно в доиндустриальные времена. В мире без железных дорог и телеграфа люди менялись не так быстро. Ультрарелигиозные общины, как правило небольшие, перебравшись за океан и обустроившись, на много поколений сохраняли язык и правила жизни географической родины. Как показывает практика, удаленность от старых культурных центров далеко не всегда способствует развитию. Довольно часто удаленность означает глубокую консервацию.

Из курьезных примеров — «пенсильванский голландский». Потомки мигрантов из южногерманских земель на протяжении как минимум двух столетий продолжали говорить на диалектах своих предков. В нескольких поселениях говорят на них и сейчас. Размеренная аграрная жизнь и редкие контакты с

внешним миром не самые хорошие стимулы для радикальных трансформаций, о которых с таким увлечением писал Ф. Тёрнер.

И в целом дарвиновская борьба за выживание была менее дарвиновской в колониях. Люди пересекали океан не для того, чтобы жить хуже. За первые четверть века после объявления независимости население колоний удвоилось. Это бы вряд ли произошло, будь борьба за жизнь слишком беспощадной. Все говорит о том, что, несмотря на трудности, переселенцы довольно скоро оказывались в более комфортных условиях, чем до переезда. На новом месте урожаи были богаче, климат — мягче, болезни приходили реже. Дети поселенцев ростом были выше своих родителей, в их домах было больше книг, чем у родственников, оставшихся жить вблизи королевских дворцов.

Для многих жизнь в перенаселенном Старом Свете, с его помпезными монархиями, непредсказуемыми налогами и абсурдными войнами, была на порядок неудобнее. В долгой перспективе переезд через океан снижал накал борьбы за жизнь, а не повышал. Другими словами, многое (если не все) говорит о том, что демократия не родилась в Америке — скорее, она там прижилась. И ее корни уходят в прошлое обществ, которые эмигранты как будто оставили позади. Если это так заметно, почему эссе Ф. Тёрнера было и остается таким популярным? Кажется, у каждого большого голливудского актера есть фильм, где он ходит в мокасинах, выживает в лесу и общается с индейцами как с родными. Кевин Костнер в «Танцующем с волками», Джонни Депп в «Мертвеце», Ди Каприо в «Выжившем» исполнили роли, как будто нарочно написанные для них самим Фредериком Тёрнером.

Противоречия между претензией на полную культурную независимость от Европы при очевидной зависимости от нее наглядно и с иронией разобраны в книге «Откуда я родом» американской писательницы Джоан Дидион². Дидион родилась в

² *Didion J. Where I Was From. New York: Alfred A. Knopf, 2003.*

Калифорнии, несколько лет работала в Vogue, в перечне ее достижений и наград — создание целого нового жанра в журналистике, Национальная книжная премия в области документальной литературы (National Book Award for Nonfiction), Национальная медаль за заслуги в сфере гуманитарных наук (National Humanities Medal), врученная ей президентом Обамой. Книга посвящена исследованию противоречий в представлениях калифорнийцев — и, шире, американцев — о самих себе и своей стране. Поскольку писательница сама калифорнийка, свое исследование она начинает с себя. Начало книги порадовало бы Ф. Тёрнера и его сторонников. Из первых десяти страниц мы узнаем, что прапрапрабабушка Дж. Дидион родилась в 1766 году на краю леса, вышла замуж в шестнадцать лет и переехала с мужем еще дальше в лес. Ее муж был ветераном Войны за независимость и нескольких войн с индейцами. Согласно устному преданию, за свою жизнь он убил, не считая индейцев и солдат британской армии, десять человек.

У пары было одиннадцать детей. Во время одного из набегов индейцев бабушка спрятала всех детей в пещере. Эта женщина сумела перебраться через реку в момент паводка с младенцем на руках. Она оставила после себя хорошую память. Другие предки, как нетрудно догадаться, обладали не меньшей витальной мощью и страстью к перемене мест. Они постоянно двигались вперед, на запад, от фронта к фронту, безжалостно отбрасывая прошлое. Их жизнь состояла из испытаний на прочность, справившись с которыми они оказались в итоге в Калифорнии. В своих интервью Дидион упоминала, что в юности она училась писать, перепечатывая прозу Хемингуэя, и это заметно. Описанные ею голод, смерть, глубокое отчаяние, помешательство и случаи суицида звучат узнаваемо жутко и просто. Как будто по совету Тёрнера, Дидион почти не упоминает о европейских корнях своей семьи. Кто-то из них был ирландцем, кто-то уэльсцем, кто-то евреем, но без уточнений.

История начинается после переезда на новый континент. До переезда было нечто туманное и блеклое, утратившее значение сразу после погрузки на корабль.

Первая глава заканчивается яркой кинематографической сценой: Дидион вспоминает, как мама предложила отцу продать землю, которая досталась им в наследство. Земля в Калифорнии стоит дорого. На этой земле мама провела детство, но в ее глазах у этой земли нет никакой сентиментальной ценности — только текущая рыночная. Она готова переехать в Австралию: там новая страна, новый континент, новый фронтир. Калифорния кажется ей слишком обжитой. Слишком много налогов, контроля, указательных знаков. Калифорния перестала быть фронтиром. Мама хотела бы вернуться в мир, где можно жить, не оглядываясь на мнение государственных учреждений. Отец с удивлением спрашивает, неужели она так легко сменит Калифорнию на Австралию, и мама отвечает, что да, сменит за минуту и тут же забудет. Ее голос звучит энергично и уверенно, как голос далекой прапрапрабабушки Дидион, вышедшей замуж в шестнадцать лет и уехавшей с мужем с одного фронта на другой. Очевидно, что этой концовке Фредерик Тёрнер аплодировал бы стоя. Он и сам оплакивал свой родной Висконсин после того, как туда пришли железные дороги. В его представлении железная дорога неумолимо вела к превращению его штата в зарегулированную Европу, откуда в свое время уехали его предки.

К несчастью для Тёрнера и к счастью для читателей, у Дидион пронизательный ум. Как сказано в ее номинации на Национальную медаль за заслуги в сфере гуманитарных наук, ей всегда удавалось заметить вещи, которые остальные пытались обойти стороной. Следующие страницы посвящены исследованию того, что же не так с этой романтикой фронта. Мама готова уехать с фронта на фронт, но нужно иметь в виду, мягко замечает Дж. Дидион, что Калифорнию обживали не

столько независимые первопроходцы, сколько федеральное правительство. Освоение Калифорнии было бы невозможно без налогов, которые уплатили жители штатов, расположенных на восточном побережье. Оно также было бы невозможно без технологических и административных ресурсов большого федерального центра. Дидион не без сарказма описывает калифорнийское сельское хозяйство. Если учесть ландшафт и климат, то калифорнийские поля, сады и фермы возможны только благодаря дорогостоящей сети дамб, каналов и водохранилищ. К 1979 году в Калифорнии было построено полторы тысячи километров дамб и семьсот километров каналов, почти сто километров канализационных сооружений и, кроме того, «три дренажных насосных станции, пять водозадерживающих плотин, тридцать один мост, девяносто одна водомерная станция и восемь автоматических коротковолновых датчиков уровня воды». Плюс семь водосбросов и семь обводных каналов на площади в сорок тысяч гектаров (без малого Московская область). Калифорния — это искусственный ландшафт, суммирует Дидион, созданный не руками поселенцев, а федеральным правительством и большими компаниями.

Железная дорога, которая сделала Калифорнию частью мировой экономики, была построена хоть и калифорнийцами, но на федеральные деньги. И не без коррупции. Правительство США платило подрядчикам шестнадцать тысяч долларов за одну милю железной дороги на равнине и сорок восемь тысяч — за одну милю в горах. Ощутимые горы начинаются в десяти километрах от мест, где дорога в итоге прошла, однако деньги были выделены по альпийским расценкам. Строительство дороги и возведение дамб были только началом, с иронией замечает писательница. После дамб и дорог федеральное правительство перешло к субсидиям на сельское хозяйство.

Живописуя его щедрость, Дидион рассказывает о рисе. Во-первых, на выращивание риса в Калифорнии идут налоги

из федерального бюджета. Во-вторых, с апреля по август в Калифорнии не бывает дождей. В-третьих, рис — это растение из регионов, где летом идут проливные дожди. Чтобы в калифорнийской полупустыне выращивать рис, нужны финансовые вложения, которые может позволить себе лишь кто-то крайне щедрый, такой, например, как правительство США. Сорт риса, который оно решило субсидировать, популярен в Японии и Корее и непопулярен среди американских граждан. После первых урожаев Япония и Корея, защищая интересы своих производителей, закрыли рынки для калифорнийского риса. При этом граждане США своих предпочтений в еде ожидаемо не изменили. Соответственно, вопрос о сроках возвращения вложенных средств довольно скоро стал богословским. Писательница шутит: с такой культурой траты денег налогоплательщиков не нужна никакая золотая лихорадка. Все говорит о том, что в Калифорнию ехали не за свободой от государства, а за возможностью хорошо на нем заработать. Дидион цитирует журналистов — современников Тёрнера, которые жалуются, как мало среди приезжих желающих осесть и начать свой бизнес. Приезжие ищут быстрых денег, играют с федеральной системой, вопросы морали и «либертарианской автономии» их интересуют скорее как теория, а не как практика.

Есть ли в этой истории место для всего того, о чем писал Фредерик Тёрнер? Видимо, да, но для этого нужно уметь не замечать слона в комнате. Мама Дидион не замечала федеральных институций, меняющих ландшафт вокруг ее дома. Благополучие ее семьи напрямую зависело от адекватности департаментов в Вашингтоне, но это не мешало ей видеть себя первопроходцем. Тёрнер, в свою очередь, не замечал англо-франко-германо-испано-датско-нидерландских инноваций, сделавших его жизнь такой не похожей на тоталитарную северокорейскую. Дидион, надо отдать ей должное, не видит ничего стыдного в материнской логике — она с теплотой описывает

эту нелогичность как часть культуры, в которой она выросла. Что касается Фредерика Тёрнера, его идеи звучат до смешного в унисон с фронтирной романтикой мамы Дидион. Если бы они встретились, то поняли бы друг друга с полуслова. У этой близости тоже может быть извинение: Тёрнер родился в 1861 году, когда гуманитарная наука примерно так и выглядела.

Глава шестая

Когда б вы знали, из какого сора растут цветы политических компетенций

Двести пятьдесят лет назад британские подданные в Северной Америке обладали достаточной политической зрелостью, чтобы объявить независимость, создать армию, найти союзников, выиграть войну, заключить мир, написать и принять конституцию, провести первые выборы, а потом вторые и третьи — и при этом ни разу не скатиться в тиранию. Люди, передвигавшиеся верхом и писавшие письма гусиными перьями, сумели придумать и организовать столько всего — почему?

Человеку с российским опытом такая способность к коллективным действиям кажется чем-то почти магическим. Российское прошлое больше походит на музей коллективной некомпетентности, особенно если говорить о власти имущих. Сто лет назад правящий класс Российской империи не смог остановить марксистскую секту. Тридцать лет назад советский правящий класс не выдержал испытания свободой слова. На наших глазах постсоветский правящий класс не смог провести президентские выборы, и теперь самолеты из Москвы летают на Дальний Восток и на Ближний Восток, но не летают в Париж.

Быть может, у американцев было какое-то особое культурное преимущество? Какие-то традиции, уходящие корнями в глубь веков? Какие-то особые верования? В классическом исследовании Патрисии У. Бономи «Скандалные люди: политика и общество в колониальном Нью-Йорке»¹ утверждается, что, например, в случае Нью-Йорка не было и намека на магию.

¹ Bonomi P. U. A Factious People: Politics and Society in Colonial New York. New York: Columbia University Press, 1971.

Во время революции Нью-Йорк ощутимо отставал от своих соседей, особенно от тех, что находились на юге. Как бы странно это ни звучало, но политическое чутье было сильнее развито у рабовладельцев. Плантаторы Вирджинии и Каролины скорее договаривались друг с другом и охотнее воевали. Когда южане уже шили себе военную форму, Нью-Йорк оставался нерешительным, утопая в многочисленных внутренних конфликтах. В 1971 году, когда книга вышла, в американской академической среде было принято утверждать, что «на самом деле» Нью-Йорк был таким медленным потому, что был таким жадным. Медлительность горожан объяснялась неспособностью решить, с кем им будет выгоднее: с королем или без короля?

Бономи оспорила это мнение. С ее точки зрения, медлительность была связана с особенностями истории города. Им было трудно договариваться по причине их кривого прошлого, утверждает автор, и ее слова звучат так знакомо для российских ушей.

Первое препятствие для координации гражданского недовольства, как пишет исследовательница, заключалось в невозможности понять собеседника: на улицах одновременно звучало слишком много языков. Первые поселенцы на землях будущего Нью-Йорка были переправлены через океан голландской торговой компанией и, соответственно, говорили на голландском, но не только. В 1643 году, когда в городе проживало всего пятьсот жителей, они общались на восемнадцать языках: от скандинавских до индейских и африканских. Когда город и окрестности отошли Британской империи, ситуация усложнилась еще больше. Прибытие администрации из Лондона не означало, что все сразу перешли на английский.

В XVIII веке переход на новый язык после эмиграции мог затянуться на поколения. Дороги в то время были похожи на тропы для экстремального туризма: путешествие из штата в штат могло занять недели, особенно в межсезонье. Плохое

сообщение и огромные пространства надежно изолировали поселения, так что и через полтора столетия после переезда люди общались с соседями на языке далекой родины.

Восьмой президент США Мартин Ван Бюрен (1837–1841), родившись в одном из голландских городков к северу от Нью-Йорка, учил английский уже в сознательном возрасте. В его родном Киндерхуке и у него дома голландский был основным языком. Его супруга Ханна Хоес Ван Бюрен (Hannah Hoes Van Buren) и дети говорили с акцентом, как будто лишь недавно переплыли океан.

Схожая ситуация наблюдалась среди обитателей французских, скандинавских, ирландских, еврейских и немецких поселений. На языковые отличия накладывались религиозные. В начале XVIII века люди все еще верили в Бога. В обществе, состоящем из верующих, разница в представлениях о загробной жизни становилась еще одной веской причиной для неприязни. Протестанты из Амстердама, протестанты из Гамбурга и протестанты из Эдинбурга, одинаково не доверяя католикам, не испытывали особого пиетета друг к другу. Когда в поселение, где живут протестанты из Роттердама, приезжали протестанты из Манчестера, разница в трактовках Нового Завета неизбежно создавала поводы для трений.

А помимо языков и религий — экономическая реальность. Два основных занятия в доиндустриальном мире — землевладение и торговля — разделили колонию на две партии с противоположным укладом жизни и представлениями о должном. Выходцы с Британских островов предпочитали землю и недвижимость. Богатая, они старались перенять образ жизни английской аристократии и считали ренту наиболее достойным способом приобретения и поддержания благосостояния. Потребительские привычки и ритуалы общения лордов были им близки и понятны. Напротив, торговцы с голландскими корнями считали коммерцию единственно верным путем к успеху.

Состояние, нажитое благодаря умению вовремя предложить потребителю необходимый товар или услугу, ценилось ими выше титулов и замков.

Каждый раз, когда сталкивались интересы «сильных людей города», убеждение, что соперник не заслуживает уступок, поскольку ведет недостойный образ жизни, усложняло переговоры. Экономические, религиозные и языковые препятствия усугублялись особенностями британского правления. Этот сюжет будет особенно близок читателю из России и Таджикистана. Как подчеркивает исследовательница, Нью-Йорк управлялся напрямую из Лондона. В первые годы у горожан не было никакой возможности повлиять на решения администрации. Затем такая возможность появилась, но оставалась недостаточной; потом исчезала, потом возникала снова и т.д. По мнению Патрисии Бономи, генерал-губернаторы нанесли политической культуре города больший урон, чем трения между кальвинистами и лютеранами.

Если бы у горожан была возможность решать свои проблемы самостоятельно, противоречия — языковые, религиозные, культурные и прочие — сгладились бы сами собой. Необходимость искать компромисс и учитывать интересы друг друга быстро научила бы понимать других. В конце концов, когда вы обсуждаете вывоз мусора, так ли уж важно, на каком языке ваш оппонент говорит дома? Бономи как американка твердо верит в способность соседей преодолевать страхи и предрассудки во имя общего блага. Увы, естественный процесс роста взаимопонимания регулярно прерывался — в основном из-за метрополии. В течение многих лет у горожан не было ни стимулов, ни возможности научиться строить коалиции. Куда насущнее было умение привлечь на свою сторону губернатора.

В истории политического взросления, описанной автором, российскому читателю будут особенно интересны два сюжета. Первый связан с долгим периодом взаимной вражды,

когда диалог между партиями был невозможен. Второй касается неожиданного прогресса: ньюйоркцам удалось организовать сложную — хотя и безуспешную — кампанию против губернатора.

В 1691 году в Нью-Йорке было подавлено восстание Лейслера. Капитан местной милиции, воспользовавшись сменой династии в метрополии, объявил себя губернатором и в течение двадцати месяцев управлял городом. Разбираясь с восставшими, Лондон в первую очередь заботился о своих финансовых интересах. Колония, в которой активно преследуют за измену, приносит меньший доход. Чтобы избежать убытков, было сделано все возможное, чтобы город как можно скорее «вернулся к работе». Лейслер и его ближайший соратник были казнены, не менее шести его активных сторонников были отправлены в тюрьму. Однако довольно скоро заключенные были помилованы, а некоторым участникам восстания вернули право на государственную службу. Желая окончательно перевернуть страницу, Лондон пошел еще дальше и в 1695 году фактически признал Лейслера законным губернатором.

Как пишет автор, старания метрополии имели ограниченный успех. Две примитивные протопартии — за Лейслера и против, — возникшие в ходе восстания, продолжили атаковать друг друга и после объявления мира. Важным оружием служило обвинение в государственной измене: антилейслерианцы пользовались им регулярно. После прибытия нового губернатора Бенджамина Флетчера тактика несколько усложнилась. Назначение такого человека, как Флетчер, было ошибкой, считает автор. Вместо того чтобы продолжить курс на примирение, новый губернатор, изучив ситуацию, занял сторону антилейслерианцев. Выбор был обусловлен не столько их верностью короне, сколько трезвой оценкой их активов. Говоря прямо, те, кто выступал против Лейслера, могли предложить больше. Через негласный союз с ними Флетчер получил доступ

к их торговым операциям, антилейслерианцы в ответ — возможность продолжить преследования. Холодная война между партиями, которую вели в основном экономическими методами, очевидно, не способствовала развитию искусства договариваться.

Когда Флетчер был снят с должности за предоставление платного убежища пиратам, его преемник Ричард Кут, граф Белломонт, желая восстановить баланс, встал на сторону бывших соратников Лейслера. Как и следовало ожидать, шесть лет в защите не прошли даром: началась новая вендетта. Следующий губернатор продолжил поддерживать лейслерианцев — вендетта не утихала. Ему на смену прислали администратора с более выраженным интересом к финансовому благополучию своих близких, и роли сменились еще раз.

По мнению автора, эти перемены — глухая защита, потом решительное нападение, потом снова глухая защита — были единственной политической школой ньюйоркцев. Богатый опыт противостояния, полное отсутствие опыта межпартийных коалиций — политическое развитие Нью-Йорка сначала было очевидно однобоким.

В августе 1732 года в Нью-Йорк прибыл очередной губернатор. По мнению многих, Косби — так звали губернатора — был одним из самых некомпетентных британских администраторов за всю историю колонии. Своим назначением он был обязан супруге: та была сестрой графа Галифакса и двоюродной сестрой герцога Ньюкасла. Других достоинств у Косби не было. Цели его в Северной Америке были очень просты: деньги.

Сразу после прибытия он потребовал тысячу фунтов за услуги, которые якобы оказал городу, находясь в Лондоне. Деньги были выплачены. Далее он потребовал грант на пять лет за услуги, которые окажет в будущем, — за это тоже заплатили. Следующий ход: уважаемый торговец Рип Ван Дам, исполнявший обязанности губернатора в течение тринадцати месяцев

ожидания Косби, должен был отдать ему половину своего жалованья. Ван Дам отказался, и Косби подал на него в суд. Чтобы наверняка выиграть, губернатор направил дело в тот суд, где не было присяжных. Тут судьба сыграла против него: среди судей оказался бывший исполняющий обязанности губернатора Нью-Джерси Льюис Моррис. Поскольку в случае победы Косби мог потребовать и его половину жалованья, Моррис встал на сторону закона. Несмотря на давление, губернатор проиграл, и теперь, помимо обогащения, у него появилась новая цель — месть Льюису Моррису.

В прошлые десятилетия этот конфликт закончился бы очередным поражением колониста. Связи губернатора на самом верху должны были отбить желание с ним спорить. Но теперь благодаря накопленным политическим навыкам борьба стала возможной. Моррис, обратившись к публике, сумел привлечь на свою сторону тысячи горожан. Далее он выпустил газету с критикой решений губернатора (редактор оказался в тюрьме вскоре после первого номера). Собрав нечто вроде партии, Моррис отправился жаловаться в Лондон. Неумелый губернатор Косби, конечно, отозван не был, но его родственники, устав отбиваться от жалоб нью-йоркского судьи, в итоге предложили Моррису должность губернатора Нью-Джерси в обмен на прекращение подрывной деятельности. Он отказался — закон и порядок в Нью-Йорке были ему дороже — и вернулся домой абсолютно разочарованным в разумности империи.

История закончилась в духе XVIII века: Косби скоропостижно умер, и ему на смену был прислан более гибкий администратор. Моррис еще раз получил приглашение занять пост губернатора Нью-Джерси. На этот раз он согласился и прославился своим рвением в защите интересов его величества короля. Эта не самая вдохновляющая история, по мнению Бономи, демонстрирует нам, как медленно и «из какого сора» могут расти политические компетенции.

История разрыва отношений двух отцов-основателей, Томаса Джефферсона и Джона Адамса, вдохновляет еще меньше. Они не общались двенадцать лет. Ссора не нанесла вреда республике, поскольку случилась уже после подписания Декларации независимости и мирного договора с бывшей метрополией. Кто знает, к чему привел бы спор колоний с Лондоном, если бы отцы-основатели начали выяснять отношения двумя десятилетиями ранее. Ярость, с которой они нападали друг на друга, намекает на то, что способность американцев к согласованным действиям имела пределы — даже в самом начале и даже у самых заслуженных.

Из книг, посвященных этой теме, самая подробная вышла в 2017 году и называется «Друзья — враги: Джон Адамс и Томас Джефферсон»². Ее автор — широко известный в Америке Гордон С. Вуд. Вуд начинает с того, что оба отца-основателя умерли в один день: 4 июля 1826 года, в день пятидесятилетия Американской революции.

Адамс и Джефферсон были очень разными. Адамс — невысокий и склонный к полноте; Джефферсон — высокий и худой. Адамс был многословным, шумным, ярким и, по мнению многих, чрезмерно эмоциональным. Джефферсон — сдержанным и дипломатичным, его чувства скрывались за маской вежливой благожелательности. Оба с самого нежного возраста были заядлыми читателями, но их вкусы были противоположными. Джефферсон предпочитал книги по науке и истории, избегая романов, которые для Адамса были важной частью ежедневной интеллектуальной диеты.

Адамс в буквальном смысле сделал себя сам, построив карьеру адвоката на севере, в Массачусетсе. Джефферсон родился в семье южан-землевладельцев, одной из самых состоятельных в штате. Когда оба оказались в Париже, Адамсу, с его

² Wood G. S. *Friends Divided: John Adams and Thomas Jefferson*. New York: Penguin Press, 2017.

опытом провинциального судопроизводства, было непросто на светских приемах. Джефферсон, наоборот, чувствовал себя там свободно и естественно, как дома. Его воспитание, образ жизни и интересы вполне соответствовали европейским аристократическим. Джефферсон скупал книги, картины, антикварные вещи, вина; методично объезжал знаменитые частные сады и парки, планируя переустройство своих собственных. Адамс не разделял его страсти: его дом был слишком мал для картин, а земли вокруг хватило бы разве что на пару клумб. И он искренне не понимал, как можно брать кредит на покупку мраморной статуи.

Адамс, несмотря на поддержку независимости, любил Англию и искренне считал британское государственное устройство, сочетающее монархию, аристократию и демократию, лучшим из возможных. Джефферсон к Англии питал нечто вроде отвращения. Он любил Францию, неустанно совершенствовал французский язык, и в его поместье французским было все, включая экипажи, посуду и садовника.

Политические идеалы обоих отцов-основателей кардинально отличались. Джефферсон, сочувствуя парижским радикалам, выступал за слабое государство — почти без армии, с ничтожно низкими налогами и малочисленной бюрократией. К монархии он относился с предубеждением: его письма содержат множество презрительных замечаний в адрес королей и королев. Адамс, напротив, считал наследственную иерархию приемлемой, а убежденность в том, что человек от природы разумен и способен без поддержки со стороны общества и государства принимать взвешенные решения, казалась ему сомнительной. Демократия без поддержки монархии, аристократии и бюрократии, уверял Адамс, обречена стать тиранией.

Тезис о равенстве людей Адамс считал надуманным. Люди с рождения не равны, рассуждал он. Разница в способностях, в достатке, в доступности хорошего образования исключает

равенство. Устройство европейских обществ есть прямой результат этого неравенства стартовых возможностей. И поскольку оно естественно и существует независимо от нашей воли, разумнее с ним смириться. Представления о природе человека тоже были несовместимы. Насколько Джефферсон был оптимистом и верил в то, что человек от рождения добр и склонен к уважительным и взаимовыгодным отношениям, настолько Адамс был пессимистом, считавшим всех людей порочными, а войну «всех против всех» — вечной угрозой.

Расходились их взгляды и на то, что представляют собой североамериканские колонии и какое будущее их ждет. По мнению Адамса, эти колонии, будучи продолжением Британии, со временем станут похожи на любую другую просвещенную европейскую страну. В будущем их ждет монарх, палата лордов и палата общин, бюрократия, банк, налоги и армия — все как на континенте, в Европе. Разница будет разве что в качестве управления. Мнение Джефферсона было иным: он видел принципиально новую страну — республику, свободную от бремени централизованной власти и от религиозного доктринерства, просвещенную и открытую новому знанию, как города нидерландских провинций и швейцарских кантонов. И как Афины во времена великих эллинских философов.

Начало ссоре положила Французская революция, которую Джефферсон приветствовал с первого же дня. Адамс к тому времени всерьез опасался за будущее революции в Америке, и известие о том, что в Париже собираются избавиться от короля, энтузиазма у него не вызвало. Когда во Франции начался террор, Адамс не удивился. Он считал, что это закономерный итог непродуманных действий. Легкость, с которой парижане прибегали к насилию, свидетельствовала, что они не готовы к республике и выступили против короля напрасно. Реакция Джефферсона на казни была иной: даже когда в списках

казненных стали появляться его знакомые, он считал происходящее ужасной, но, по всей видимости, неизбежной ценой будущего процветания.

И Адамс, и Джефферсон отстаивали свое мнение публично, страсти накалялись, из частного спор перерос в политический — в итоге после серии резких заявлений они прекратили общение. Для примирения понадобилось двенадцать лет молчания и посредничество еще одного отца-основателя, Бенджамина Раша. Но, как пишет автор, решающую роль сыграло негласное, но настойчивое общественное мнение. Американцы были недовольны ссорой и требовали, чтобы Джефферсон и Адамс помирились.

Глава седьмая

Воображаемые голландские корни американского успеха

У успеха, в отличие от неудачи, всегда много авторов. У американского успеха, как кажется, количество претендентов на авторство стремится к бесконечности. Год от года их общая сумма угрожающе нарастает. В научно-популярных изданиях пишут, что причина успеха — в гениальности отцов-основателей. Массовый кинематограф утверждает, что секрет был в беспрецедентной гражданской сознательности рядовых американцев. Согласно циничной версии, американский успех — это закономерное следствие высокого качества британских институций; они работают как часы, даже если их отсоединить от королевского двора и палаты лордов. По странному стечению обстоятельств циничная версия имеет массу сторонников в Лондоне. Есть версии, которые обсуждаются в среде верующих, и о них лучше молчать. Есть и неожиданные джазовые варианты. Согласно одному из них, все дело в глубоком голландском влиянии. Якобы переселенцы из Амстердама и их необычные правила жизни сделали Америку такой процветающей. Что касается Британской империи с ее юридической изощренностью, то ее ролью можно пренебречь.

Версия про роль голландцев нечасто встречается в академических исследованиях. Зато в медиа для образованного среднего класса она живет уже как минимум полтора столетия. Иногда ее обсуждают очень широко, вплоть до редакторских колонок в больших женских журналах. Иногда о ней можно услышать разве что во время экскурсий по самым старым районам Нью-Йорка. Нетрудно заметить, что даже на первый взгляд версия не выглядит убедительной. Всем — кроме лондонских литературных снобов — известно, что американцы

говорят на английском языке. Долгое время жители Британских островов чаще других пересекали океан с целью начать новую жизнь в Новом Свете. Голландские колонии вдоль Гудзона перешли к британской короне еще в XVII веке, за сто лет до Войны за независимость. В течение уже этих ста лет узкие улицы Нового Амстердама затерялись внутри быстрорастущего Нового Йорка.

Тем не менее, невзирая на эти и другие бесчисленные факты, голландская версия продолжает жить и захватывать воображение. Российскому читателю, знакомому с историей путешествия молодого царя Петра на амстердамские верфи, сюжет про влияние голландцев будет близок. След голландцев в России заметнее, чем в Северной Америке. Царь Петр был очарован голландскими технологиями, городами, каналами, деловитостью. Историки часто пишут о том, что его план переустройства страны появился на свет во многом благодаря этой очарованности. Царь Петр говорил и читал на голландском, и это был единственный язык, который ему удалось выучить. Его новая столица Санкт-Петербург была построена под впечатлением от Амстердама. Для династии Романовых одноэтажный дом, в котором жил Петр в Нидерландах, был местом паломничества. И не только для Романовых. Согласно апокрифу из мемуаров Александры Смирновой-Россет, Александр Пушкин, узнав, что дом царя Петра в Зандаме может быть подарен императору Николаю I, предложил себя в качестве дворника. Для романовских россиян этот дом был культурным Вифлеемом — местом, где появилась на свет идея страны, в которой они жили.

У пиетета американцев в отношении Нового Амстердама и пиетета романовских россиян в отношении Домика Петра в Зандаме есть некоторое созвучие. Во всяком случае, и там и там речь идет о воображаемой прекрасной прародине, о романтическом увлечении, которое не рассеивалось, несмотря на

время. В книге профессора Аннетт Стотт «Голландская мания: неизвестный голландский период в американском искусстве и культуре»¹ подробно и с большим удовольствием описывается сорок лет — с 1880 по 1920 год, — когда образованное американское общество было охвачено «голландской манией». Крупные бизнесмены соревновались друг с другом, чья коллекция Рембрандта и Вермеера полнее. В модных журналах из номера в номер появлялись зарисовки из повседневной жизни в Амстердаме и его приморских окрестностях. В дальних рыбацких деревнях Фризских островов Северного моря можно было увидеть молодых американских художников, занятых поисками сюжетов. Для тех, у кого не было возможности купить билет на трансатлантический рейс, вблизи Бостона были открыты курсы живописи. Знатоки уверяли, что дюны и морская гладь в той местности приблизительно похожи на те, что тянутся вдоль голландских берегов. Талантливый художник без гонорара, но с воображением запросто мог додумать недостающие детали. Если воображения не хватало, с этим тоже могли помочь. Можно было взять в аренду народный костюм и попросить натурщицу или натурщика изобразить что-нибудь из жизни фризских тружеников. Кроме того, всегда есть вариант опереться на плечи родных и близких.

До наших дней дошли фото молодых американок в белых передниках и деревянных башмаках — так жены и подруги художников помогали своим партнерам найти нужный образ. Спрос на голландские картины был фантастически перегрет, покупатели платили не глядя, портреты улыбчивых американок в голландском наряде у моря или у молочной фермы шли на ура. Продажи антикварной мебели, серебра, керамики — привозное из Нидерландов, разумеется, — неуклонно росли. Подделки и имитации росли в цене соответственно. Группы

¹ Stott A. Holland Mania: The Unknown Dutch Period in American Art and Culture. The Overlook Press/Ambo Anthos, 1998.

просвещенных энтузиастов ездили по самым старым городкам вокруг Нью-Йорка в поисках зданий, построенных руками первых голландских поселенцев. Если такое здание находилось, средства на его реставрацию собирались довольно легко. С точки зрения энтузиастов, эти здания таили в себе ключ к пониманию «американского образа жизни». Одновременно с этим в модных архитектурных бюро проектировались небоскребы и общественные здания в узнаваемой стилистике «Антверпен — Роттердам — Брюгге». Публичные лекции об истории Нидерландов собирали залы по всей стране. Публичные лекции о том, как многим американский проект обязан успехам голландской рациональности, собирали еще большие залы.

Как объясняет Аннетт Стотт, дело в том, что молодая Американская республика открыла для себя Нидерланды как прародину своей политической и отчасти культурной идентичности. До этого были греческий и римский периоды, вслед за ними пришло время голландского. Учитывая ситуацию на тот момент, это увлечение было предопределено. В 1880 году мир управлялся империями во главе с императорами и императрицами. Австро-Венгерская империя, Российская империя, Испанская империя, очевидно, не были похожи на Штаты. Британская империя, из которой американцы с большим трудом и по счастливой случайности вышли, подходила к пику своего могущества. В соседней Канаде, которая из той же империи не вышла, присутствие британского монарха было более чем осязаемым.

Американскому обществу было неудобно выводить свою генеалогию из монархий. Требовалась хотя бы приблизительная схожесть, и Нидерланды оказались очень кстати. Их живой протестантизм, богатый республиканский опыт, поразительная терпимость к инаковости и открытость к инновациям не могли остаться незамеченными. Не так много американцев

могли найти у себя голландские корни. Выходцы из Ирландии были многократно многочисленнее. С другой стороны, если ориентироваться не на кровное родство, а на правила жизни, на ценности, на видение того, что есть добро и зло, то здесь у американцев с голландцами в самом деле можно найти общие черты. Героями картин фламандских живописцев были не герцоги, святые и военные, а горожане, чей достаток зависел от их удачи и усердия, — примерно так и воображали себя американцы. Внимание фламандцев к дому, к семейному быту, к труду, к повседневности тоже было близко. Картины, созданные в мире, где есть абсолютный монарх и цензура, звучали иначе. Американцам, как утверждали самые ярые сторонники демократии, нужно было сделать над собой усилие, чтобы понять, о чем идет речь. В случае с фламандцами таких проблем не возникало (по крайней мере, так считали авторы колонок в популярных журналах о моде и искусстве). В Нидерландах американцы увидели похожую на них интеллектуальную среду, и это породило моду, которая продолжалась без малого полвека.

Как утверждает Аннетт Стотт, у истоков этой моды стояли несколько американских авторов. Их понимание Штатов не всегда совпадало с фактами, зато пришлось по душе широкой публике. В 1856 году будущий посол США в Австрии Джон Лотроп Мотли (John Lothrop Motley) издал книгу в трех частях «Подъем Голландской республики» (The Rise of the Dutch Republic). Книга разошлась огромным по тем временам тиражом — в несколько десятков тысяч экземпляров. В 1867 году в свет вышла четвертая часть — «История Объединенных Нидерландов» (History of the United Netherlands). Написанные ярко и броско, скорее как политический памфлет, чем академический трактат, книги Мотли изображали голландцев как народ, любящий свободу и обладающий сильной «инстинктивной склонностью к самоуправлению». Голландцам противостояла Испанская империя, в описании которой было подозрительно много

общих черт с империей британцев. Испанцами правили тираны с неограниченной властью и угрюмые инквизиторы. Мягко говоря, ни те ни другие не стремились оставить о себе хорошее впечатление.

С точки зрения Мотли, Нидерландская революция против испанского правления была войной свободных людей с деспотическим монстром. Нетрудно представить, чью сторону занимал американский читатель и чьим победам он радовался.

Следующая важная книга появилась на прилавках в 1892 году, когда «голландская мания» уже набрала обороты. Книга называлась «Пуританин в Голландии, Англии и Америке» (*The Puritan in Holland, England, and America*), ее автором был речистый нью-йоркский адвокат Дуглас Кэмпбелл (*Douglas Campbell*). Американцам, считал он, следует освободить свои умы от британских иллюзий и признать, что их истинными кузенами в Европе являются жители Нидерландов. На этот счет у автора было три серии аргументов. Все три, стоит отметить, были подчеркнуто прикладными, взятыми из практики, а не из метафизики. Во-первых, голландские колонии в Северной Америке управлялись на порядок лучше, чем британские. В начале XVII века у них была свобода вероисповедания, регистрация кредитов, бесплатное начальное образование и право петиций. Ничего этого, настаивал адвокат, не было у британцев, но появилось у американцев через прямое заимствование от голландцев.

Во-вторых, британские пуритане бежали в Новый Свет через голландские города. В то время для религиозных беженцев со всей Европы, включая подданных английского короля, Нидерланды были ближайшим и самым надежным убежищем. Беженцы жили в Гааге и Утрехте иногда по несколько лет, прежде чем у них появлялась возможность переправиться через океан. За это время они, естественно, усваивали правила жизни приютивших их голландцев. Британские поселенцы перед тем,

как пересечь Атлантику на легендарном корабле «Мэйфлауэр», долго жили в Лейдене. Так долго, что их дети понимали голландский не хуже, чем английский. Их изначальный план был поселиться на новом континенте вблизи голландской колонии и под защитой голландцев.

Увы, Амстердам отказал, пришлось плыть на новое место, и так появилась формально первая британская колония в Северной Америке. Самое же первое постоянное поселение Джеймстаун, легшее в основу английской колонизации США, появилось в 1607 году (в будущей Вирджинии). А пуритане с «Мейфлауэра» основали свою колонию в будущем Массачусетсе только в 1620 году.

И в-третьих, такие важные усовершенствования общественной жизни, как письменное голосование, свобода прессы и независимые благотворительные организации, появились в Америке раньше, чем в Англии. При этом в Нидерландах они уже были — и давно. Таким образом, настаивал адвокат, гражданину Штатов не нужно погружаться в истории королевских дворцов, чтобы понять свою страну. Чтение истории Соединенных провинций даст ему несравнимо больше.

Как пишет Аннетт Стотт, настойчивое желание Дугласа Кэмпбелла отбросить в сторону британское наследие могло быть мотивировано его сочувствием к идеям шотландских националистов: те тоже стремились исключить Лондон из рецепта американского успеха. Как бы то ни было, книги Кэмпбелла и его лекции привлекли к себе немалое внимание, которое, как с грустью замечает автор, сошло на нет после Первой мировой войны. Четыре года чудовищной войны и последующий разгул национализма так изменили Европу, что идея ехать из Бостона в Амстердам, чтобы увидеть колыбель демократии, утратила смысл. Колонии американских художников опустели, остались только те, кто женились и перешли на язык своей новой семьи.

Тем не менее интерес к голландцам не ушел навсегда. Вторая мировая война и за ней холодная война не отменяют того факта, что крупнейший город страны, Нью-Йорк, первые полвека своего существования говорил на голландском. В 2005 году известный американский писатель Рассел Шорто издал книгу «Остров в центре мира. Эпическая история голландского Манхэттена и забытой колонии, сформировавшей Америку»². Как очевидно из названия, это еще одна попытка пересмотреть роль голландских поселений в американской истории. Про Шорто следует знать, что его отношение к Нидерландам — это больше чем ситуативная симпатия. В его писательском портфолио есть книга про Амстердам с красноречивым названием «Амстердам: история самого свободного города в мире» (*Amsterdam: A History of the World's Most Liberal City*). Книга начинается с живого и даже восторженного описания утренней поездки с ребенком на велосипеде по амстердамским улицам к детскому саду. Шорто рад свежему морскому ветру, исторической архитектуре и возможности передвигаться по городу не на автомобиле. И тон, и ритм текста говорят читателю о том, что писатель искренне влюблен в этот город.

С 2008 по 2013 год он был директором Института Джона Адамса в Амстердаме. В 2009-м получил рыцарское звание от нидерландской королевы за свои многолетние усилия по сближению американцев и голландцев. Среди официальных фото нидерландского принца и его супруги (теперь король и королева) есть фото с Шорто на выставке в Нью-Йорке в честь первых голландских поселенцев. В США Шорто, как кажется, принял участие практически во всех заметных проектах, которые имеют отношение к голландским колонистам в Северной Америке: *New Netherland Research Center*, *New Netherland Institute* и начиная с прошлого года *The New Amsterdam Project*. Шорто

² *Shorto R. The Island at the Center of the World: The Epic Story of Dutch Manhattan and the Forgotten Colony That Shaped America. Doubleday, 2005.*

не имеет голландских корней. Его интерес к теме не связан с генеалогией. В своей новой книге «Короткое время: история моей семьи и мафии» (Small-time: A Story of My Family and the Mob), увидевшей свет в 2021 году, он подробно рассказывает об истории своих предков. История включает в себя участие в криминальной группировке. Группировка не была особенно заметной. Как это часто бывает, криминальная деятельность прекратилась сама собой, когда эмигрантам удалось по-настоящему интегрироваться в американское общество. В этом отношении внимание Шорто к нидерландскому наследию и его желание представить Новый Амстердам как исток Соединенных Штатов исходит чисто из этнических фантазий. Скорее, речь идет о понятном и очевидном желании потомка эмигрантов глубже понять страну, в которой он оказался.

В отличие от авторов из позапрошлого века, описанных Аннетт Стотт, книга Шорто имеет больше академических достоинств. Все дело в том, что Шорто нашел документы. С 1974 года нью-йоркский лингвист и историк Чарльз Геринг (Charles Gehring) занят переводом архивов голландской колонии: петиции, протоколы, деловая переписка — всего двенадцать тысяч листов. Документы чудом пережили три британско-голландские войны и несколько пожаров и хранились в библиотеке Нью-Йорка. Написанные на давно устаревшем голландском, они были малодоступны для историков. По счастью, про архив знал Чарльз Геринг, который защитил диссертацию по голландскому языку XVII века. Он связался с главами голландской общины Нью-Йорка и в результате получил работу на всю жизнь. Рассел Шорто, ссылаясь на уже переведенные документы, утверждает, что на самом деле Нью-Йорк является местом, откуда «есть пошла» американская демократия. Родителями Америки, ее святым семейством были голландские переселенцы. Помимо прочего, Шорто утверждает, что ему удалось найти в изученных документах самого первого отца-основателя.

По мнению писателя, им был Адриан ван дер Донк (Adriaen van der Donck, 1618–1655), дипломированный адвокат из Северного Брабанта, который в 1641 году подписал контракт с крупным голландским торговцем мехом из Северной Америки. Перебравшись на другую сторону Атлантики, ван дер Донк скоро включился в главный конфликт Нового Амстердама: жителей города против Вест-Индской компании.

К тому времени конфликт длился уже не первый год, и причиной была впечатляющая неадекватность директора местного отделения. Его звали Виллем Кифт (Willem Kieft, 1597–1647), он много пил, и его решения были одно хуже другого. Одной из самых странных его выдумок была попытка заставить платить налоги индейцев, проживавших в лесах вокруг поселения. Ожидая получить отказ, Кифт устроил акцию устрашения: пролилась кровь, которая закономерно привела к войне. Колонисты, надо отметить, были против и налогов, и акции. Кифт, являя собой пример «сильного лидера», проигнорировал их возражения. Нарушенный мир с коренными американцами поставил под удар имущество и жизни колонистов. В то время как Виллем Кифт, окруженный солдатами и укреплениями, мог безопасно спиваться, колонисты жили в постоянном страхе перед внезапными набегами. Тем, чьи фермы были совсем далеко от берега, пришлось их бросить: вероятность насильственной смерти была слишком высока. Используя навыки юриста, ван дер Донк тайно помог жителям составить жалобы на Кифта. До него жалобы были написаны с ошибками, невнятно, без знания процедур и законов. Они вряд ли могли убедить. Когда за оформление жалоб взялся юрист с дипломом, жалобы стали выглядеть так, что компания не могла на них не ответить. Когда невменяемость Кифта стала очевидна для руководства, его уволили.

Рассел Шорто видит в этом событии победу гражданского общества, в которой угадывается будущее восстание против

неадекватности британской администрации. В глазах писателя Адриан ван дер Донк — это прообраз сразу всех американских отцов-основателей, вместе взятых. Сочетание фундаментальных юридических знаний, умения вести дела и почти религиозной лояльности к рядовым поселенцам — такими будут первые лидеры американских штатов. В 1776 году юристы с образованием и практикой, точь-в-точь как Адриан ван дер Донк, помогут недовольным налогоплательщикам выйти из империи и создать республику. Как мы теперь знаем, эта республика-на-краю-света смогла выжить и не только. При всех ее недостатках и иногда пугающих странностях она неожиданно скоро обогнала свою бывшую метрополию и стала самой могущественной страной за всю историю человечества.

Глава восьмая

Конституция как продолжение парка и парк как продолжение конституции

Чтобы представить, насколько в свое время неожиданным был успех Американской революции, обратимся к сравнению биографий Наполеона Бонапарта и Томаса Джефферсона, третьего президента Штатов. В 1803 году оба лидера договаривались о продаже Штатам Луизианы — принадлежавших Франции обширных территорий в Северной Америке: от Канады на севере до Мексиканского залива на юге. Джефферсон представлял интересы американцев, потому что выиграл выборы в 1801 году. Бонапарт представлял интересы Франции, потому что в 1799-м при поддержке нескольких влиятельных политиков и с помощью своих солдат разогнал революционное правительство. Ко времени государственного переворота революция во Франции продолжалась десятый год, и французские беженцы появились даже в Москве и Санкт-Петербурге. Парижане устали от хаоса и радикализма, были запуганы террором, и потому протестов в городе почти не было. Многие приветствовали переворот: генерал Бонапарт обещал навести порядок, а генералы, как известно, умеют это делать. Не без грубости, но тем не менее. Через год после сделки с американцами Наполеон объявил себя императором и провел свою коронацию. Его следующими шагами были закрытие оппозиционных газет, преследование оппонентов и фактическое упразднение парламента. Джефферсон оставил пост президента в 1809-м — строго по расписанию, после двух сроков подряд с законным переизбранием между сроками. Передав пост и получив овации, он уехал в свой дом на высоком холме в Вирджинии и там в тишине и покое занялся мемуарами.

У Наполеона, как это часто случается с императорами, которые короновали себя сами, срока истечения полномочий указано не было. Он лишится власти только в 1815 году после серии военных катастроф и экономических кризисов, заключения под стражу, побега, неудачной попытки переворота и снова заключения. В Штатах в 1817 году, согласно все тому же расписанию, был избран очередной, уже пятый по счету президент.

Джефферсон умер в 83 года, примирившись с соперниками, любимый и уважаемый многими. Наполеон умер в заточении на каменистом острове в Атлантике, окруженный британскими солдатами. Ему был всего 51 год. Слухи о том, что его отравили, популярны и в наши дни.

Как нетрудно заметить, биография Наполеона напоминает греческую трагедию: много насилия, много неожиданных поворотов, много страстей и в итоге удручающий финал. На этом фоне биография Джефферсона выглядит довольно скучно. Джефферсон, ставший президентом в соответствии с процедурой и ушедший с поста точно в срок, не очень революционен. В сравнении с Наполеоном Джефферсон похож на преуспевающего клерка из французского антибуржуазного кино, и это удивительно. В отношении изменений в обществе Франция со Штатами как будто поменялись ролями. Но ведь все должно было быть ровно наоборот. В конце XVIII века Париж был в двадцать раз больше самого крупного американского города. В Париже были библиотеки, театры, Академия наук и, что еще важнее, департаменты с высокочлассными бюрократами. Кроме бюрократов, в городе были тысячи юристов, и они не бедствовали.

Согласно известному анекдоту, дом второго президента США Джона Адамса, куда он удалился, проиграв перевыборы, был заметно меньше тех, которые обычно снимали для себя начинающие парижские адвокаты. Адамс, надо отметить, тоже

был юристом, и, по мнению современников, одним из лучших в своем поколении. Джефферсон бывал в Париже. С его точки зрения, юным американцам не стоило посещать этот город: если они увидят Париж в раннем возрасте, захотят ли они потом вернуться в родные леса и прерии? Иными словами, в Париже не должно было быть революции с гильотиной и императора с артиллерией. В Париже должны были пройти реформы, умные и тактичные. Почему реформы случились на другом берегу океана? Почему Наполеон жил как на Диком Западе, а Джефферсон, для которого, выражаясь фигурально, Дикий Запад и был домом, жил как в Париже? Ответ на этот вопрос исследователи ищут в разных направлениях, включая самые неожиданные. Например, в общем для отцов-основателей интересе к парковому искусству и огородничеству.

Известно, что даже по меркам XVIII века они были увлеченными садоводами. Рощи и аллеи вокруг их усадеб, как утверждают критики, можно считать произведениями искусства. То же самое можно сказать и об их грядках с тыквами, фруктовых садах и клумбах. Те из основателей, кто не располагал возможностью содержать собственный парк, были не меньше увлечены дискуссиями, как должен выглядеть сад у дома. Миниатюрные по размеру, но пышные цветочные клумбы за окнами были важной темой общения и для них. Кто знает, может быть, долгие часы, проведенные с деревьями и цветами, сделали их такими практичными и позволили избежать «французского варианта»? И, кстати, «российского варианта» тоже. И «германского варианта», безусловно. И еще десятков других вариантов переустройства общества, которые обходились безумно дорого всем, включая дальних и близких соседей. При желании в уходе за садом можно и в самом деле увидеть школу практичности и терпения.

Планирование сада подразумевает знакомство с естественными стадиями роста, цветения и увядания. Стадии роста

трудно — или невозможно — обойти, нельзя отменить или ускорить. Садовнику нужно уметь учитывать времена года, капризы погоды, типы почв и особенности растений. Сажены деревьев, высаженные не в то время, не в том климате и не в ту почву, вряд ли приживутся. А если и приживутся, то поздно дадут плоды. Или не дадут никаких плодов вообще. То же самое и с цветами: некоторые сорта, оказавшись рядом, могут мешать друг другу, и в пору цветения клумба будет смотреться уныло. Другие, наоборот, становятся сильнее и цветут обильнее.

Следует еще уточнить, что садоводство, которое практиковали основатели Штатов, было не из «крестьянского календаря» и не из «народных святцев». Оно было искусством и опиралось на доступную науку того времени и даже философию. Парки, которые интересовали Вашингтона и четвертого президента США Мэдисона, были одного класса с Летним садом в Санкт-Петербурге и с Александровским садом в Москве. Что касается их грядок и парников, то аналоги следует искать в екатерининских оранжереях Царицына и в Аптекарском огороде в Коломенском. В основе создания таких парков, садов и грядок лежал замысел. Парки были трактатами под открытым небом. Много раз перечитанные книги на столе у заказчика парка и план его парка перекликались. Иными словами, садоводство основателей было интеллектуальным занятием. И в этом смысле их опыт разведения растений мог иметь влияние на их видение того, что следует и чего не следует делать. В книге писательницы Андреа Вульф «Садоводы-основатели: революционное поколение, природа и формирование американской нации»¹ отцы-основатели описаны именно как общество садовников. А. Вульф много лет пишет о садах и природе, среди ее достижений есть книжная премия Американского общества садоводов.

¹ Wulf A. *Founding Gardeners: The Revolutionary Generation, Nature, and the Shaping of the American Nation*. New York: Knopf, 2011.

Уникальность ее подхода в том, что она предлагает читателям ознакомиться с теми документами на рабочих столах отцов-основателей, которые ранее было принято не замечать. После первых десяти страниц ее подход кажется настолько логичным и очевидным, что сам собой возникает вопрос: почему об этом никто не написал ранее? Всем известно, что основатели были читающими людьми. Письменные столы в их кабинетах выглядели так, будто принадлежали вечным студентам: на них стопками лежали толстые тома о демократиях античности; старые и новые политические памфлеты из Лондона, Парижа и Амстердама, проекты того, как можно было бы улучшить общество; утопии, сатирические пьесы, трактаты философов, пособия по политической истории; горы писем от друзей с размышлениями о недостатках и преимуществах британских законов. У самых любознательных можно было обнаружить Коран.

Интеллектуальная диета каждого из отцов восстановлена с впечатляющей точностью. Смысл этой точности в том, что из этих книг вырос американский проект со всеми его сложностями и успехами. А. Вульф утверждает, что в эти списки следует обязательно добавить и литературу о парках и садах. Основание у нее следующее: на практике о парках и в целом о ботанике основатели читали не реже, чем о римских консулах. У многих из них каталоги растений были любимыми настольными книгами. Имена известных садовников того времени упоминаются в переписке почти с той же регулярностью, что и имена философов. Множество строк в их личных письмах посвящено видам деревьев и кустарников, цветам и даже навозу.

Нельзя сказать, что этот углубленный интерес к ботанике был чем-то особенным и редким. В XVIII веке ботаникой интересовались если не все, то очень многие. Тогда от урожая зависели доходы, и потому интерес к растениям и почвам был изначально коммерческим. Как и остальные земледельцы того

времени, основатели находились в постоянном поиске культур, которые можно было бы у себя вырастить. Вырастить, чтобы продать, разумеется. В наши дни с той же настойчивостью финансисты ищут перспективные компании для инвестиций. Известна, например, история о том, как Томас Джефферсон искал сорт риса, который можно было бы выращивать, не заливая поля водой. Рис давал хорошие урожаи. Но рисовые поля повышали влажность воздуха и были признанными рассадниками инфекционных заболеваний. В течение нескольких лет Джефферсон собирал сведения о высокогорных сортах риса, чья потребность в воде существенно ниже. Поиск включал чтение ботанических справочников, консультации с французскими учеными, переписку с капитанами кораблей, с главами азиатских княжеств. Джефферсон изучил сорта риса из Вьетнама, с Суматры, из Италии и в итоге нашел подходящий сорт в Западной Африке. Как это часто бывает в сфере инвестиций, успех предприятия был ограниченный. Ввезенный Джефферсоном сорт не заменил того, который требовал много воды. Тем не менее его стали выращивать для домашнего употребления. В этом смысле простое описание интереса основателей к парковому искусству вряд ли будет важно. Уникальность работы А. Вульф в том, что, изучая отношение основателей к садоводству, она сумела найти сюжеты, которые помогают точнее понять их образ мысли.

Одна из самых интересных глав в книге — о том, как генерал Джордж Вашингтон, вернувшись домой после победы в Войне за независимость, перестраивает свой приусадебный парк, созданный согласно последней европейской моде. Ему не нравятся прямые линии, не нравятся изгороди и заборы, он недоволен их прямизной и математической идеальностью. И ему не нравятся завезенные из Европы деревья, кустарники и цветы. Для Вашингтона прямые линии, ограды и растения с другого континента являются символами тирании, против которой он и его армия воевали восемь долгих лет.

Его новый парк должен быть посвящен свободе. Это значит, что не математика и геометрия должны определять внешний вид парка, но природа, ее внутренние ритмы. Дорожки должны стать извилистыми, цветы, кустарники и деревья должны быть расположены спонтанно. И самое важное: растения в парке должны быть американскими.

Как пишет А. Вульф, Вашингтон любил и знал природу своего континента, как никто другой из основателей. Когда он был дома, его день всегда начинался с продолжительной прогулки верхом. Прогулку не могли отменить ни дождь, ни морозы, ни жара. Одна из таких прогулок стала в итоге причиной его смерти: Вашингтон умер от простуды, которую подхватил, проведя несколько часов под ледяным дождем. Его ненасытный интерес к природе можно проследить до самой юности. Молодой Вашингтон, будучи на военной службе, много времени проводил в девственных лесах вблизи современной Канады. В его письмах того периода можно найти почти поэтические строки о туманах, закатах и горизонтах. Когда он говорил, что его новый парк будет имитировать природу, а не учебники геометрии, он хорошо понимал, о чем идет речь. На первый взгляд может показаться, что его план как будто исключает участие человека. В самом деле, если Вашингтону были нужны извилистые дорожки и американские растения, то лучший способ добиться такого результата — ничего не делать.

Когда прямые аллеи разрушены и завезенные растения выкорчеваны, парк, который был бы свободен от человека, появляется сам. Ветер, птицы и звери засеяли бы новое пространство семенами растений из ближайших рощ. Двести лет назад в Северной Америке, покрытой сплошным лесом от берега Атлантики до Тихого океана, это произошло бы достаточно быстро. Через пару лет вокруг дома Вашингтона стоял бы молодой дикий лес. И, конечно, такой лес был бы абсолютно американским по своему происхождению.

Хотел ли Вашингтон вернуть свои земли природе? Точно нет. Отказ от прямых углов не означал отказа от планирования. Речь скорее шла о принципиально новом видении: осознанно сокращать усилия по исправлению природы. Деревья, кустарники и травы росли так, как если бы они не были высажены человеком. При этом их общее расположение, их близость или удаленность друг от друга, их состав и численность — все это было в ведении человека и к его пользе.

К примеру, американские деревья, в отличие от европейских, очевидно, не нуждались в адаптации к климату, что существенно упрощало уход за ними. С другой стороны, Вашингтон собирал деревья со всей страны. Будущему первому президенту нужен был парк, который демонстрировал бы в том числе и идею плодотворного единства тринадцати штатов.

Даже после победы в Войне за независимость у жителей разных штатов была разная идентичность. Различия между штатами были такими глубокими, что и сам Вашингтон, несмотря на все его желание объединить американцев, описывал растения не из своего штата как «экзотические». Чтобы жители разных штатов увидели себя как одно целое, растения в парке высадили американские в самом широком смысле. Белые сосны, магнолии, тюльпановое дерево, дубы — эти и другие деревья, посаженные в новом парке, представляли регионы новой страны. Деревья Юга и Севера разместили по соседству друг с другом с расчетом на то, чтобы их сочетание было эстетически приятным. Посетители парка, из какого бы штата они ни были, легко могли найти знакомые им деревья и увидеть, как гармонично и просто они сочетаются с растениями их соседей.

А. Вульф добавляет важную деталь: Вашингтон придумал свой американский парк, непрерывно читая книги двух популярных британских садоводов, Филипа Миллера и Бетти Лэнгли. Справочник первого был с ним каждый день. Когда он заказывал деревья из штатов, с природой которых был знаком

не очень хорошо, он опирался на описания Миллера. Друзья отмечали, что Вашингтон в принципе не читает ничего, кроме пособий по ботанике и британской истории. Что касается Лэнгли, то он один из первых предложил отказаться в парках от прямых линий и позволить растениям быть такими, какие они есть. Интерес к британским паркам был общим для основателей, и это важный момент для понимания связи Американской революции с эволюцией идей на Британских островах.

В книге «Храмы наслаждения: ландшафтные сады Стоу» другого автора, архитектурного критика Джона Мартина Робинсона², подробно описывается парк, который был источником вдохновения не только для Вашингтона, но и для многих политически активных американцев того времени.

Книга вышла в 1990 году, и о ее авторе следует знать, что, помимо написания колонок в журналы про приусадебные сады, он исполнял обязанности королевского герольда и был среди организаторов коронации Чарльза Третьего. Сюжеты, описанные автором, часто совпадают с теми, о которых рассказывает А. Вульф, — с той лишь разницей, что действующие лица здесь не американцы, а британцы и все происходит не в конце XVIII века, а на сто лет раньше, в конце XVII века. В обоих случаях речь идет о периоде после успешной революции, когда сторонники свободы перестраивали парк, чтобы он отвечал их новым представлениям о том, что есть истина.

Парк Стоу — до сих пор крупнейший парк на Британских островах — принадлежал богатейшей семье Темпл-Гренвилл. Ее члены были заметны в партии вигов, которая считала необходимым ограничить власть монарха и поддержать верховенство парламента. С точки зрения вигов, порядок в обществе является результатом добровольного договора между гражданами и

² Robinson J. M. *Temples of Delight: Stowe Landscape Gardens*. London: Pavilion Books, 1994.

государством, а выборные представители и парламент — лучший способ искать выход из социальных и политических кризисов.

Их противники, тори, были против верховенства парламента, поскольку верили в божественное происхождение права королей на управление страной. С их точки зрения, парламент, который ограничивает монарха, — это нарушение божественного порядка. Темпл-Гренвиллы были в числе основных бенефициаров Славной революции 1688 года, результатом которой стало подтверждение независимости парламента от монарха.

Первая половина XVIII века была золотым веком британского парламента. Виги праздновали свою победу над фанатичными монархистами и видели себя римским сенатом, счастливо вернувшимся из небытия. Дебаты с конкурентами сознательно велись с опорой на образцы из классической риторики. Отдельные выступления звучали так, словно были написаны Цицероном или Катуллом.

Три поколения семьи Темпл-Гренвилл перестраивали Стоу, делая его все менее и менее похожим на безупречный геометрический парк, как у деспотичных французских королей. Как и Вашингтон, они заменяли прямые линии на изогнутые, напоминающие лесные тропы; отказывались от стройных, словно на параде, рядов одинаково подстриженных деревьев в пользу имитации дикого леса; в каждой детали они ценили естественность и плавность. Из европейского паркового искусства был взят, помимо прочих, прием, когда граница между парком и окружающим ландшафтом стирается. Парк плавно переходил в примыкающие к нему леса, луга и фермы, словно они были его логичным продолжением. Важной ролью аллей, рощ и цветов было способствовать размышлениям. Прогулка призвана была помочь сделать шаг от эмоций к состоянию, когда разум может оставаться светлым и открытым.

Сходство парков британских сторонников парламента и американских сторонников республики лишний раз говорит о культурном родстве их владельцев. В отдельных случаях это было родство и в социальном смысле тоже. Предки Вашингтона происходили из того же сословия, к которому принадлежала семья Темпл-Гренвилл, но были, очевидно, менее удачливыми. Можно представить себе ситуацию, когда в XVI веке предки обеих семей посещали одни церковные службы во время своих визитов в Лондон. Вашингтонам пришлось переплыть океан, чтобы сравняться с Темпл-Гренвиллами и обогнать их. При этом отрицание, как выразились бы в России, «вертикали власти» и видение свободы как естественной для человека возможности обсуждать свои проблемы остались для них общим. Плавная закругленность линий в парках по обе стороны океана, как и антивертикальные конституции, тому подтверждение.

Глава девятая

Гении, которые, судя по всему, так и не поверили в свою гениальность

В океане книг об американских революционерах есть как минимум два места, куда лучше не заходить. Во-первых, это книги, написанные искренними американскими патриотами, а во-вторых, книги, написанные искренними американскими критиками искренних американских патриотов. При желании, конечно, можно заглянуть и к тем, и к другим, попробовать разобраться, что к чему, но большой пользы от этого ожидать не стоит. Умы, обремененные сильными эмоциями, редко — или никогда — бывают близки к тому, что философы называют истиной, а прагматики — реальностью. Гораздо интереснее отправиться на поиск так называемого взвешенного подхода, где эмоций поменьше и они послабее. Американский книжный океан безграничен, и при желании можно найти что-нибудь свободное — насколько это вообще возможно для нас, людей, — и от пламенной любви к своей родине, и от ненависти к ней.

Как заметит вьедливый читатель, проблема всех взвешенных подходов в том, что они никогда не бывают «полностью взвешенными». Как правило, они взвешенны с некоторым смещением, которое незаметно, если вы сами смещены туда же. Спорить с этим утверждением не стоит; разумнее будет признать, что, пока книги пишут люди и для людей, некоторое смещение неизбежно. Возможно, когда книги будут писаться машинами для машин, они будут взвешенны идеально, но вопрос в том, сможем ли мы, люди, их понять.

Для первого знакомства подойдет книга «Начать мир заново: гений и неоднозначность американских основателей»¹, которая вышла в 2003 году. Ее автор, профессор Бернард Бейлин, на тот момент уже пятьдесят лет преподавал историю в Гарварде и два раза получил Пулитцеровскую премию за свои исследования Американской революции.

Краткая, меньше двухсот страниц, не столько книга, сколько брошюра является результатом его многолетнего поиска ответа на вопрос: почему Американская революция удалась (в том смысле, что не привела ни к гильотинам, ни к массовым чисткам, ни к концентрационным лагерям)? Для Бейлина прямого ответа на этот вопрос не существует, но он пытается понять, почему так произошло, используя аналогии. Рассуждая о причинах неожиданной победы первых американских граждан над Британской империей, он предлагает обратить внимание на то, как возникают художественные школы, которым удается создавать нечто принципиально новое и ценное.

Школы не состоят из одного человека. Их учреждают художники, встретившиеся случайно и, как правило, принадлежащие примерно к одному поколению. Никогда заранее неизвестно, в какой стране, в каком городе, на какой улице встретятся художники, которым суждено объединиться и создать нечто прекрасное. Это случается редко, но, когда случается, происходит нечто невообразимое. Такая же история у ученых. Науку двигают вперед научные школы, которые появляются по такому же принципу, что и художественные. В студенческом кафе несколько молодых людей увлеченно обсуждают нечто заумное, и это обсуждение спустя десятилетия дает миру новую форму энергии или новые инструменты познания. В случае с Американской революцией началом всему тоже послужила встреча, но не художников или математиков, а

¹ *Bailyn B. To Begin the World Anew: The Genius and Ambiguities of the American Founders. New York: Alfred A. Knopf, 2003.*

удивительно способных молодых юристов и администраторов. Они были примерно одного возраста, читали примерно одни и те же книги и одинаково были недовольны британскими судами и губернаторами. Они начали обмениваться идеями, и в результате случился всплеск творческой энергии — в государственном управлении, если угодно — и на свет явились США.

Участники революции не были гениями-одиночками. Одиноким гений — это континентальное блюдо. Скорее, это была живая сеть — с долгими ночными разговорами, бесконечной перепиской и книгами, которые они без конца посылали друг другу. Уточняя свою метафору, профессор Бейлин знакомит читателя с эссе «Провинциализм» известного в свое время арт-критика, а ранее директора британской Национальной галереи Кеннета Кларка. По мнению критика, искусство живет и развивается в метрополиях, в провинциях же усваивают и воспроизводят то, что дала им столица. Только идиот откажется следовать образцам, предлагаемым метрополией, считает Кларк. Критик уверен, что у провинций в связи с их удаленностью от центра, где возникает искусство, есть устойчивая тенденция к упрощению, которая может серьезно сдерживать развитие. Одновременно с этим удаленность имеет свои преимущества. Иногда искусство в метрополии теряет темп, тускнеет, становится слишком академическим и рафинированным, его способность удерживать внимание угасает. В этом случае у наиболее талантливых художников из провинций появляется шанс преодолеть притяжение и создать нечто ценное и уникальное. Бернард Бейлин утверждает, что в случае с американцами так и произошло.

Во второй половине XVIII столетия удивительно богатое на таланты поколение юристов и управленцев из отдаленных британских провинций, воспользовавшись историческим моментом, сделало шаг в сторону от метрополии и, по сути, создало

новый мир. Бейлин осторожно предполагает, что это был уникальный случай. Другого такого сочетания талантов и благоприятной обстановки может и не быть никогда.

Насколько американские провинциалы были действительно провинциальными? И так ли уж велика была роль британской метрополии? Бернард Бейлин цитирует дневники американца Уильяма Бёрда II (William Byrd II). В 1726 году он вернулся из Лондона в свою родную Вирджинию и скоро обнаружил себя в обществе, где ему не с кем было разделить свои интересы. После десяти лет в лондонских литературных кругах Уильям Бёрд каждый день читал на нескольких европейских языках, учил греческий, латынь и иврит, коллекционировал книги. Такой образ жизни приветствовался в метрополии, но не в колониях. Никто из его соседей не видел смысла в уроках иврита на восходе солнца. Уклад жизни состоятельного человека в Вирджинии был менее книжным и не требовал ежедневного чтения французской периодики. В письмах своим лондонским знакомым Бёрд жаловался на одиночество и утверждал, что в колонии оказался похоронен заживо.

Бейлин приводит в пример письма еще нескольких американцев, которые по разным причинам были вынуждены уехать из Лондона. Никто из них не нашел дома атмосферу, к которой привык в метрополии. Яркий пример — Бенджамин Франклин, самый известный и самый народный из отцов-основателей. О его упрямом нежелании возвращаться из Лондона — а потом и из Парижа — к себе, в Филадельфию, ходили анекдоты. Филадельфия с ее сорока тысячами жителей несопоставима с почти миллионным Лондоном. В Париже, куда Франклин переехал после начала революции, проживало шестьсот тысяч. Нужно иметь в виду, что на тот момент Филадельфия была самым большим городом в американских колониях. В недавно еще голландском Нью-Йорке проживало двадцать пять тысяч человек, а в Чарльстоне, крупнейшем городе на юге, всего

двенадцать. Жена Франклина, долготерпеливая Дебора Рид, умерла, так и не дождавшись мужа. Он задержался в метрополиях на десять долгих лет.

Интересна разница в финансовых возможностях. Бейлин сравнивает размеры поместий аристократов в метрополии и наиболее зажиточных людей в колониях. Как следует из описаний современников, дворцы британской аристократии были больше американских в десятки раз. Бейлин упоминает и различия сексуальных практик. Несмотря на радикальность и готовность выйти за рамки, американские революционеры оставались протестантами. Их реакция на привычки и образ жизни европейских — в основном французских — аристократов была резко негативной. Уже упомянутый Франклин получал множество порицаний от Адамса, будущего второго президента республики, за то, что прямо на улице в Париже позволял юным поклонницам целовать себя в лоб. Адамсу, верному своей Эбигейл и исправно писавшему ей письма каждый день, это казалось отвратительным и недопустимым. Бейлин обращает внимание на художественные портреты американцев, живших перед и во время революции. Состоятельных американцев и британцев нередко писали одни и те же художники, но отличия заметны. Американцы предпочитали простой и неформальный стиль. Помпезность, показная роскошь и заоблачная метафизичность, столь привычные для британцев, в колониях не приживались.

Обобщая, Бейлин находит в американском опыте сходство с неожиданным расцветом наук в Шотландии. В век Просвещения у амбициозных и талантливых провинциалов в Эдинбурге, хорошо знакомых с метрополией, но удаленных от нее и географически, и политически, сама собой сложилась оригинальная школа мысли, сделавшая возможной, например, экономику как науку. В североамериканских колониях движение умов было направлено скорее в сторону юридической

и управленческой практики. Стихийно сложившаяся сеть единомышленников была увлечена совершенствованием судов и налогообложения, универсальные законы роста благосостояния занимали ее в меньшей степени.

Выходцам из шотландских высокогорий удалось превзойти метрополию в знаниях, а американским революционерам — показать метрополии класс в управлении. Непрерывная смена глав государства в результате выборов — это нечто невообразимое по меркам XVIII века. Как справедливо заметит внимательный российский читатель, в некоторых частях планеты о подобном люди могут только мечтать — и это невзирая на все успехи цифровизации и благоустройства.

Несколько другую картину предлагает профессор Деннис Расмуссен в книге «Страх заходящего солнца: разочарование отцов-основателей Америки»², увидевшей свет в 2021 году. В книге нет и намек на сияющий триумфализм Бернарда Бейлина. Отцы-основатели, добившись независимости, не празднуют победу. Они до конца не уверены в том, что именно им удалось основать и удалось ли хоть что-то. Со дня на день они ждут, когда предложенная ими модель управления будет отвергнута и жители колоний отступятся от идеалов республики и Просвещения.

Расмуссена интересуют последние годы жизни отцов-основателей, когда они, уступив место следующему поколению политиков, обсуждают в письмах то, как идут дела. Из этих писем и их дневников становится понятно, что никто из них не был доволен происходящим. Реальность пугала отцов-основателей и наводила на мысли о том, что американский эксперимент в ближайшее время завершится.

² *Rasmussen D. C. Fears of a Setting Sun: The Disillusionment of America's Founders.* Princeton: Princeton University Press, 2021.

Первый президент республики Джордж Вашингтон был ошеломлен партийностью своих сограждан. В его картине мира никаких партий не должно было быть. Как человек Просвещения Вашингтон верил в способность каждого быть разумным и опираться на факты и логику. А не на предрассудки, слухи, мнение институций и математического большинства. Разумному человеку не нужна партия, чтобы составить мнение о том, что на данный момент для него хорошо, а что дурно, ему достаточно его разума. К удивлению Вашингтона, на деле все оказалось по-другому: люди предпочитали вступать в партии и охотно вовлекались во вражду с теми, кто с ними не был согласен.

Американская публика, добившись независимости, разделилась на враждующие партии, и их взаимодействие между собой было так далеко от уважительного, что переход к физическому насилию казался неизбежным. Когда обе партии перешли к жестким публичным оскорблениям, Вашингтон уверился, что крах республики близок. Первый президент регулярно делился своим разочарованием с близкими. В предсмертном послании нации он попытался убедить сограждан преодолеть партийность, сделав ставку на благожелательность.

Александр Гамильтон, первый американский министр финансов, всерьез опасался за судьбу институций. Смогут ли департаменты новой республики остаться на страже интересов граждан? Не превратятся ли они в новые феодалы и не станут ли источником доходов для новой аристократии, которая вытеснит британских лордов? Глядя на первые шаги американской государственности, Гамильтон пришел к выводу, что она слишком слаба, чтобы противостоять хаосу. Институциям не хватает энергии, считал он. Избыточные меры защиты от тирании сделали государственные службы малоэффективными и уязвимыми для коллективных и индивидуальных интересов. В результате, по мнению Гамильтона, американские граждане окажутся в ситуации, когда налоги расходуются не в интересах

общества, а в интересах отдельных групп. Гамильтон, как и Вашингтон, порицал легкомысленность сограждан, их любовь к популистам и склонность принимать важные решения на основании сильных эмоций.

Второй президент республики Джон Адамс также был разочарован согражданами. По его мнению, им недоставало гражданских добродетелей. Как учила эпоха Просвещения и как верил сам Адамс, гражданин отличается от подданного своей зрелостью. Если в Европе жители королевств объединены глубокой детской привязанностью к своему монарху, то граждан республики объединяет взаимное уважение, основанное на разуме. Гражданину монарх не нужен. Гражданин сам, без принуждения со стороны, способен поставить общественное благо выше своих интересов. Действовать во благо общества — это добродетельно и разумно, и поэтому сознательный житель республики добровольно преследует общественный интерес. То, как вели себя американские граждане, не было похоже на гражданственность, какой ее представлял себе Адамс. С его точки зрения, они вели себя как подданные Старого Света, если бы тем повезло остаться без королей. Реагируя на ежедневные скандалы, Адамс, подражая церковным проповедникам, высокопарно рассуждал о порочности человеческой природы и рисовал ближайшее американское будущее в темных тонах.

Томас Джефферсон, третий президент республики, отойдя от дел, оставался оптимистом дольше прочих. Но и его настиг пессимизм в последние годы жизни, когда дебаты по поводу отмены рабства разделили республику на два лагеря. Джефферсона абсолютно не устраивали предлагаемые решения, они казались ему грубыми, сырыми и, очевидно, односторонними. Впав в апокалиптический тон, он писал о скорой катастрофе по причине очевидной некомпетентности управления.

Из всех отцов-основателей, как утверждает автор, только Джеймс Мэдисон, четвертый президент и автор конституции,

сохранял спокойствие. Его не пугали мрачные рассуждения Адамса о порочности человеческой природы, страхи Вашингтона по поводу партийных склок, опасения Гамильтона по поводу анархии и филиппики Джефферсона о некомпетентности нового поколения политиков. Секрет уверенности Мэдисона был в его умеренности, он не ждал многого. Автор американской конституции вполне сознательно был готов мириться с несовершенствами и американских граждан как граждан, и Американской республики как республики. С его довольно философской точки зрения, ни одна администрация не является совершенной, совершенных администраций вообще не бывает. Разница между администрациями в степени их несовершенства. Лучшая та, в которой несовершенств меньше. Администрация, созданная отцами-основателями, предлагает меньшее несовершенство, что для Мэдисона означало, что революция в сущности удалась.

Максим Горюнов.

Хотели как лучше, а оно взяло и получилось — Рига: Школа
гражданского просвещения, 2026. — 112 стр.
(Серия «Своевременная мысль»).

ISBN 978-9934-9298-4-7

*Рецензии Максима Горюнова
на книги американских историков
знакомят читателя с широкой полемикой
о том, как американцам удалось создать
работающую демократическую республику.*

*Эта книга — важный пример того,
чего по-прежнему не хватает российской
гуманитарной науке: внимания к тому,
что делают другие. А еще это пример
исторического оптимизма. Ее чтение
напоминает: не стоит ждать ни идеальных
людей, ни идеальных обстоятельств,
Россия вовсе не обречена
на авторитаризм.
Рецепты, как этого добиться,
тут тоже есть.*

9 789934 929847